Союз писателей Чеченской Республики

Аламахад Ельсаев

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Рассказы

Грозный – 2022

УДК 821.161.1
ББК 84(Рос-Чеч)6-5
Е57

Е57 **Ельсаев А.А-Х.**
Честь имею. Рассказы / А.А-Х. Ельсаев. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2022. – 128 с.
ISBN 978-5-4314-0511-2

УДК 821.161.1
ББК 84(Рос-Чеч)6-5

ISBN 978-5-4314-0511-2

© Ельсаев А.А-Х., 2022
© Союз писателей ЧР, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Передо мной лежит достаточно плотная стопка рассказов Аламахада Ельсаева.

До избрания его Председателем Союза писателей Чеченской Республики я знал его как известного и талантливого журналиста, опытного публициста, которого по праву считают одним из отцов-основателей современного чеченского телевидения и радио, верным соратником Первого Президента Чеченской Республики Ахмата-Хаджи Кадырова и ныне действующего Главы Чеченской Республики Рамзана Ахматовича Кадырова.

Первый рассказ полностью подтвердил мои ожидания.

Известный публицист, непосредственный участник многих исторических событий на заре возрождения нашего края, Аламахад повествует о непростых буднях тяжелого для нашего народа времени.

Не буду вдаваться в подробности, так как в этом нет особой необходимости. Читаю первый рассказ,

беру в руки второй. Взгляд сразу падает на заголовок – «Мать».

Начинаю читать. С первых строк становится понятно, что это законченное художественное произведение, написанное человеком, хорошо разбирающимся во всех тонкостях этого жанра. Автору – всего девятнадцать лет, и проходил он службу на пограничной заставе.

Рассказ автобиографичный, но при этом типичный для чеченской действительности. Мы не будем приводить отрывки и акцентировать внимание на подробностях. На наш взгляд, читателю будет интересно прочитать рассказ самому и проникнуться тонким лиризмом, присущим писателю даже в описании некоторых бытовых моментов.

Далее – рассказ «Судьбы деревьев». Это небольшая, но очень тонкая лирико-философская аллегория, написанная в форме диалога двух деревьев, молодого и старого, и не сложно догадаться, что эта умело сконструированная метафора обращена к людям.

Если же учитывать, что рассказы написаны еще в юношеском возрасте, нельзя не удивиться тонкому восприятию автором окружающего мира в столь раннем возрасте.

Особое впечатление производит короткий, но удивительно емкий и характерный для чеченской ментальности рассказ «Отец», в котором автор простыми художественными средствами отразил святость отцовского статуса для любого чеченца. Меня, как читателя, этот рассказ тронул до глубины души…

Мы специально акцентируем внимание читателя именно на этих рассказах, написанных автором на русском литературном языке, так как именно они наиболее точно и ярко характеризуют талант Ельсаева-прозаика.

Что касается остальных рассказов, то в большинстве своем они носят автобиографичный характер. Мы не можем еще раз не отметить, что Аламахад Ельсаев, сам непосредственный участник и свидетель многих судьбоносных событий, описывает то, что видел собственными глазами, слышал непосредственно сам, и, естественно, это придает его рассказам большую историческую ценность.

Еще один характерный для творчества и жизни автора штрих – его приверженность к древним традициям своего народа, к его нравственным устоям, даже в мелких деталях у него все очерчено границей допустимого для чеченца.

И это вызывает уважение!

Сегодня Аламахад Ельсаев занимает ответственный и важный пост Председателя Союза писателей Чеченской Республики и полностью оправдывает высокое доверие, оказанное ему Главой Чеченской Республики Рамзаном Ахматовичем Кадыровым, который уделяет литературе очень большое внимание, как одной из важнейших составляющих духовного развития нации.

Нам остается только поздравить Аламахада Ельсаева с новой книгой, которая, несомненно, станет очередной ценной бусинкой в ожерелье чеченской

литературы, и пожелать ему успехов в его нелегкой, но очень нужной для нашего духовного будущего работе.

Асламбек ТУГУЗОВ,
поэт, член Союза писателей России

Этот рассказ был написан в 1986 году,
в мои 19 лет, когда служил
на советско-турецкой границе.
В том же году он был опубликован
в окружной газете
Закавказского Краснознамённого пограничного
округа КГБ СССР.

МАТЬ

Опускались густые сумерки. Язира включила свет. Остановившись у окна, призадумалась. Сколько бы дети не просили её не утруждать себя работой, она не может по-другому. Без дела жизнь как бы останавливается, труд для неё стал привычным, как вода, как воздух.

Она сидела, устало опустив натруженные руки, каждая морщинка на которых говорила о том, как нелегко ей пришлось в жизни.

Ей всего 52 года...

Сладковатый запах догоравших костров, как туман, стлался над огородами. Люди жгли оставшийся после уборки урожая мусор.

Синие горы вдали становились все темнее, почти чёрными, и на их фоне ещё ослепительнее засверкали ясные звезды, освещая приютивше-

еся у подножья скал село. Оголённые и предчувствующие приближение холодов деревья, несмотря на то, что стоит редкая для этих мест в такое время года хорошая погода, кажутся какими-то незащищенными, сиротливыми. Осень пришла рано. Листопад отошел, чистый и прозрачный воздух пропускает звуки не так, как летом, а с особенным легким звоном. Слышен детский гомон, они продолжают играть в свои нехитрые игры, хоть родители звали их домой, и неоднократно. Где-то лениво брехала собака, натужно, как бы просто потому, что нужно подать голос. В одном дворе промычала корова, нетребовательно, а как бы зевая. Ночь обволакивала село. Зажглось, заискрилось оно огнями света в окнах.

Откуда-то поплыла спокойная тихая мелодия песни. Но всю эту красоту села Язира не замечала. Она думала, и мысли ее были далеко, как были далеко от нее разлетевшиеся в разные стороны, как птенцы из родного гнезда, ее дети. Грусть стояла в глазах женщины, и по щеке текла слеза. Язира воспитала и поставила на ноги шестерых сыновей и двух дочерей. Теперь они взрослые: кто учится, кто работает, растит своих детей. Никто не может быть так счастлив, как Язира, когда она ласкает своих внучат, которые приезжают погостить к ней на лето. Язира может гордиться: у нее большая дружная семья, своих

детей она воспитала работящими, и односельчане ценят их за это. Сейчас, осенью, опустел её большой дом, с ней только младшая дочь Раиса и сын Мохади. Раиса вот-вот должна прийти, а Мохади запаздывает – работа у него трудная, он офицер милиции, работает в Грозном.

Остальные дети выпорхнули, разъехались кто куда. Усман, Увайс и Нур-Али с семьями живут и работают в Цимлянске. Липа замужем, счастлива, живет в Ростове. Аламад служит на заставе, а самый младший из детей – Асламбек – сразу после школы уехал учиться в город Россошь.

Нелегко было Язире одной, без мужа, поднимать, ставить на ноги детей. Нелегко...

В тот злополучный день вернулся муж из леса поздно, уставший и какой-то надломленный, разбитый. Тревожно ёкнуло сердце Язиры, предчувствуя беду. Заволновалась она, забегалась. С тревогой, спросила: «Что с тобой, на тебе лица нет?» Он медленно привязал под навесом лошадь, заложил ей сено, обернулся. Лицо его исказила нестерпимая боль, но попытался улыбнуться и как-то сурово прощально прозвучало его: «Я сейчас приду, а ты иди в дом, дети одни».

Язира быстро собрала ужин, но от него супруг отказался, попросил постелить постель. Язира не стала настаивать, позвала сына и велела быстрее

найти врача. Пулей помчался сын за врачом, и также быстро привел его в дом. Врач осмотрел Абдул-Хамида, был взволнован, но ему не удалось уговорить его лечь в больницу. Не смогла убедить его и Язира.

Врач понял, что Абдул-Хамид раньше него почувствовал дыхание приближающейся смерти, теперь медицина уже бессильна...

На второй день, когда Язира, подоив корову, зашла в дом, неся мужу парное молоко, он молча кивнул ей на стул, она села. Муж, потерявший силу, голосом, идущим как будто издалека, сказал: «Береги детей и себя, а люди добрые помогут».

Язира, глотая слезы и сдерживая рыдание, запричитала: «О чем ты говоришь? Мы вместе будем их воспитывать».

Ноги не держали её.

В глазах Абдул-Хамида уже затухали огоньки, он запрокинул голову и произнес слова, ставшие последними в его жизни. Сквозь хрип Язира разобрала: «Живите в мире с людьми, лёгких благ не ищите ...».

Дальше слова забулькали в горле и сквозь хрип их было уже не разобрать. Дети, те, что постарше, рыдая, метались от остывающего уже тела отца к окаменевшей матери. Младшие испуганно смотрели на них. Небо обрушилось на крышу маленького дома большой семьи.

Абдул-Хамид был добрым человеком. В жизни никого не обижал, его любили за спокойный нрав, считались с ним. И вот ушел из жизни человек. Отдать ему дань уважения и разделить горе его семьи пришли односельчане и люди из других сёл, знавшие его. Многие делили с Абдул-Хамидом и печаль, и радость, для всех у него находилось доброе слово...

Когда вынесли тело и мужчины под всхлипывание женщин и детей направились на кладбище, конь, не знавший от хозяина обиды, порвал узды и, отрывисто заржав, встал на дыбы, бросился к нему и принялся нервно топтаться подле него. Лошадь еле поймали и завели обратно во двор, теперь и мужчины не скрывали слёз. Конь не выдержал разлуки с хозяином.

Сердце Язиры обливалось кровью. Говорят, что беда не ходит одна. К большому горю навалилось еще одно несчастье. Любимец мужа – тонконогий красавец – не хотел принимать корм из чужих рук. Его большие с поволокой глаза потускнели, в них теперь были слезы, а белки покрылись прожилками красных черточек.

Не стало мужа, не стало его верного помощника в хозяйстве. И хотя люди старались всячески помочь осиротевшей семье, не оставалось в стороне и государство. Язире было трудно, очень трудно. Дети – мал мала меньше, их надо

было прокормить, но самое главное – воспитать хорошими людьми, какими их хотел видеть Абдул-Хамид. И думая об этом, Язира ужасалась. По плечу ли ей, горько выплакавшей по ночам все слезы в подушку, сидевшей в минуту отчаяния у изголовья спящих детей, самому старшему из которых было 17 лет, а младшему – всего годик с небольшим, воспитать всех достойными памяти отца?..

Ей помогали старушка-мать, братья, сестры, родственники мужа. Ее не оставили в беде одну. А она еще больше старалась работать, молча и терпеливо встречая свою судьбу. Никогда она не забудет те дни, когда односельчане делали все, чтобы облегчить жизнь многодетной вдовы. Как старый уважаемый Абдурахман отпустил Язиру домой к детям и отправил своих детей пасти вместо нее сельский скот, когда очередь дошла до них, и так продолжалось год. Она стеснялась того, что люди утруждаются из-за неё, но вместе с этим чувством в ней теплилось и другое, большое, согревающее и заставляющее сердце наполняться радостью – чувство благодарности тем, кто делил с ней беду. И все же Язира видела, как не хватает детям отца, и замечала, как их глаза часто наполняет грусть.

Язира переживала, и это болью отдавалось в материнское сердце.

Однажды пятилетний Асламбек, увидев соседа со своим ребенком, пришел домой зареванный, сел на стул и обхватил голову руками.

– Что с тобой, не заболел ли? – спросила его мать.

– Нет, – едва слышно ответил Асламбек. – Мама, почему у всех есть папы, а у меня нет? Я тоже хочу играть с папой. Чтобы он подбросил меня вверх, – с щемящей обидой в голосе сказал ребенок.

Чашка выпала из ее как-то сразу ослабевших рук и со звоном раскололась на мелкие кусочки. Она приласкала сына, потеребила волосы, а слезы – две горькие горошинки – брызнули из глаз. Все это видел старший сын Увайс. Он позвал младшего брата, ласково потрепал его вьющиеся кудри и, подождав, пока мать выйдет в другую комнату, сказал:

– Асламбек, ты, пожалуйста, не задавай маме больше таких вопросов, ей ведь больно слышать это, ладно?

– Почему?

– Подрастешь, тогда поймешь, а играть с тобой буду я. Договорились? – и Увайс высоко подбросил брата вверх.

Тот сразу повеселел, засмеялся и поцеловал брата, обвив руки вокруг его шеи…

Все это вспоминала Язира, погрузившись в себя, и не сразу услышала, что ее позвала дочь.

– Мама, ты грустишь? – ласково спросила дочь и окинула взглядом накрытый, но не тронутый стол.

– Я не хотела есть, вас ждала, – ответила она виновато, будто испугавшись, что причинила боль дочери, показав себя сидящей в задумчивости.

Вскоре пришел и Мохади. Они втроем поужинали, затем засиделись допоздна, беседуя о разном. Часто темой разговора было возвращение Аламада, у которого заканчивался срок службы. По этому случаю было решено всем детям собраться в родном доме.

Улыбка осветила лицо Язиры, которая видела, что дети стараются отвлечь ее от переживаний. Потеплело на душе у матери от сознания того, что скоро вернётся из армии ее сын. Соберутся все вместе в родительском доме – вот радость-то будет! Спать Язира укладывалась, находясь под впечатлением этих дум.

В ночном полумраке лунный свет отыскал её поседевшие волосы, морщинки на красивом, с правильными чертами лице, и высветил ее счастливую улыбку, вызванную какими-то приятными сновидениями, улыбку, говорившую о ее счастье – счастье матери, вырастившей большую, дружную семью.

P.S.

Прошли годы, мы, братья, стали руководителями в различных сферах, а Мама при каждой встрече напоминала нам о тех, кто помогал, когда нам было тяжело, и о тех, кому тяжело сейчас. Мы слушали и слушались её, многим помогли отучиться, многим – получить работу...

Теперь нет в этом мире и Мамы, но есть Мир праведный, и Он вечен. И жить надо, помня об этом и готовясь к нему!

ДА ХРАНИТ НАС ВСЕХ ВСЕВЫШНИЙ!!!

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Парикмахерская, баня, армейская форма, рюкзак, портянки, кирзовые сапоги, пенёк, топор и старослужащий, с ухмылкой превращающий в лоскутья гражданскую одежду призывников. Стресс, испытываемый и скрываемый каждым новобранцем в эти минуты, незабываем.

Все начиналось, как и у всех, только в обстановке более строгого соблюдения дисциплины. Пограничные войска КГБ СССР – служба не только почётная, но и ответственная.

«Попал – гордись, не попал – радуйся, – ёмко характеризуют его пограничники и непременно добавляют: – мы – щит страны, все остальные службы – шурупы на нём».

Я первый из моего села, кто призван охранять границу, куда чеченцев, да и кавказцев, раньше массово не брали, а в этом году нас, земляков с Чечено-Ингушетии, более пятидесяти: чеченцев, ингушей, русских. После многочисленных

примеров воинской доблести, проявленных нашими ребятами в Афганистане, доверять кавказцам стали больше!

Вообще, я думаю, что большие народы боятся доверять малым не потому, что видят в них склонность к измене, а потому, что тоже помнят о своём беспределе по отношению к ним, а измениться и извиниться мешает чувство мнимого превосходства....

Мне же всю жизнь осложняет другое чувство, не знаю, откуда оно взялось, но жить мешает здорово, для себя жить: такое ощущение, что отвечаю за всё и за всех. И ничего с годами не меняется! Между прочим, это не совсем легко, или, если точнее, совсем нелегко...

В армии всегда два порядка: один, установленный государством и поддерживаемый командирами, другой, взятый за традицию солдатами срочной службы и контролируемый старослужащими из них (деды) по отношению к вновь призванным (салаги).

Похоже, что такое положение вещей было во всех армиях мира и во все времена. Но он никогда не распространялся на кавказцев, которые не просто признавали первый и просто не признавали второй, претендуя шагнуть из гражданки прямо в деды над дедами...

Но мне же больше других надо. Меня и это не устраивает. Попытки изменить армейский

миропорядок начал уже с учебного пункта. Сослуживцы слушают кто с интересом, кто недоумевающе:

– У вас что, две чести? Одна, чтобы дать растоптать её за первый год службы, это произойдёт, если будете трусить, но где вы вторую возьмёте, когда сами старослужащими станете?! И с чем домой вернётесь?! Наши деды дома остались! Эти, кто строит из себя крутых перед вами, не деды, а всего лишь бывшие салаги. Надо держаться сплочённо и давать отпор за каждого!..

Не все поддержали, но и не все испугались!

История первая.

Прапорщик возник из неоткуда. Такое ощущение, что этот неудовлетворенный жизнью человек с большим набором комплексов не ходит, а крадётся. Впечатление радетеля за порядок (таких здесь много, и их уважают) не производит. Всё это, похоже, для того, чтобы, застав врасплох кого-нибудь из молодых (старослужащих сам побаивается), оторваться по полной, и хотя бы ненадолго почувствовать себя немного смелее кого-либо. Типичное поведение хронического труса. Я его остерегался: армейский устав не терпит возражений старшему по воинскому званию, даже если он – ничтожество.

– Встать! – орёт сходу, но не орёл.

– Здравия желаю, товарищ прапорщик! – беру под козырёк, пытаюсь избежать проблемы. – Извините, я не заметил.

– Месяц не отслужил, а уже хамишь?! Не заметил он.

– Никак нет, товарищ прапорщик!

– На пол!

– Что?!

– Упал, отжался!

Я такое в исполнении других уже видел и решил нахамить:

– Пошёл ты к чёрту!

Произнося эти слова, я был готов к тому, что они взбесят его. Понимал, что он может сильно испортить мне жизнь, но больше всего боялся, что начнёт сквернословить и, не дай Бог, оскорбит родителей (его любимое занятие в общении с новобранцами). Тогда мне придётся забыть, что нахожусь в армии, более того, в пограничных войсках.

И он открыл было пасть, в смысле, рот, но я высказался раньше и, похоже, был убедителен:

– Прапорщик, ради того, чтобы отомстить тебе, я готов сесть в тюрьму. А ты готов рискнуть своей жалкой жизнью ради того, чтобы сказать это?

Ожидал всё, что угодно, но не такое!

– Ты думаешь, меня никто не боится?!

Я даже не успел сообразить, что ответить на такой поворот, а он уже вовсю заорал на уставившихся на нас двух солдат моего призыва:

– На пол!

Ребята мгновенно приняли положение лёжа.

– Раз-два! Раз-два! Раз-два! – уже который раз в исступлении командует прапорщик и материт их на чём белый свет стоит.

Ребята исступлённо отжимаются, я в исступлении кричу:

– Вставайте, ничего он вам не сделает, вы же видели?! Он трус!

И один, и другие предпочитают меня не слышать.

Наконец, всё закончилось.

– Видал?! – прапорщик, довольный, как будто с поля боя победителем вышел.

Вызывает омерзение.

Обращаюсь к сослуживцам:

– Не надо его бояться! Зачем вы даёте оскорблять родителей?!

– Если бы ты выполнил приказ, ничего этого не было бы!

– Это была прихоть...

Служба только начиналась...

P.S.

К счастью, оказалось, что мне предстоит познакомиться со многими достойными прапорщиками и офицерами, для которых защита Отечества стала смыслом и целью жизни.

С ними всегда легко находить общий язык, а из-за таких, как тот прапорщик, по сей день в воинских частях и в тюрьмах ломаются судьбы многих нормальных ребят.

СУДЬБЫ ДЕРЕВЬЕВ

Рассвет. Медленно встает золотисто-багряный диск солнца. Первые его лучи уже искрятся золотом на высоких кронах деревьев, переливаясь разноцветьем в скатывающихся с листьев капельках росы.

Я иду по зеленому лугу. Весело чирикают птицы, извиваясь ленточкой, и пропадает где-то вдали узенькая тропка. С удовольствием вдыхаю утренний свежий воздух и так легко себя чувствую, что кажется, стоит чуть оттолкнуться – полечу.

Находившись вдоволь, я присел на травку и задумался. Не знаю, сколько так сидел, но из дум меня вывел легкий шелест деревьев. И я понял, что они завели меж собою разговор.

– Доброе утро, дедушка-дуб, – шелестел листочками маленький тополек, что растет недалеко от меня.

– Доброе утро, малыш, – отвечает старый дуб и задумчиво добавляет. – Прекрасный сегодня день, хороша жизнь.

– А что это такое – жизнь, дедушка?

– Жизнь? Ее, сыночек, надо прожить, чтобы узнать. А одним словом о ней не скажешь. У тебя она вся впереди.

– Какая же она у нас, у деревьев?

– Э-э-э, – задумчиво протянул дуб, – да разве она у всех одинаковая? У деревьев тоже разные судьбы…

Оба дерева, старое и совсем молодое, ненадолго замолчали, каждое думая о своем. Первым тишину прервало юное.

– Расскажите мне, пожалуйста, о своей жизни, – попросило оно.

– А что рассказывать? – молвил в ответ старый дуб и задумался, собрав веточки кверху, как человек собирает на лбу морщины. – Был таким же юным, как ты. Мечтал о чудесах, думал о счастье. Было много хорошего и много страданий. Много убийств мне и моим ровесникам пришлось увидеть, люди уничтожали друг друга и называли это войной.

– А что это значит – война?

– Не знаю, люди ее так называли, а мы считаем это проклятьем. Самой страшной была последняя – с фашистами. Больше, чем когда-либо, погибло тогда и деревьев. Земля содрогалась от страшных разрывов, и там, где только что росли наши братья и сестры, образовывались глубокие

ямы, – и тут голос старца дрогнул. – Но не оставался безнаказанным и тот, кто губил нас. Люди, которые теперь строят вот эти фабрики и заводы, – и старый дуб указал на лежащий невдалеке поселок, – эти люди с оружием в руках дрались, защищая нас, защищая каждую пядь земли. Мы видели, как они умирали, как расставались с жизнью. И защищали их, прикрывая собою. До сих пор храню в теле свинец, что когда-то огненным шаром впился в меня. А после много было хорошего. Кончилась война. Люди, которые воевали здесь, приходили и низко кланялись нам, деревьям, – и в голосе старого дерева прозвучала гордость, – и земле родной. И от этого хотелось им поклониться, сказать им спасибо, что не дали врагу марать нас своими грязными руками. Но, к сожалению, мы не могли разговаривать по-ихнему и только ласкали их листвою.

И сколько еще было таких трогательных минут, сколько людей перебывало здесь… Однажды приехала молодая пара. Как ласково они смотрели друг на друга! Сколько чувств читалось в их взглядах.

«Пусть это дерево будет свидетелем нашего счастья, деревом нашей любви», – говорили они, и еще добрее становился взгляд.

А я почувствовал их обоих своими детьми. Несколько лет я грустил по ним, по людям, которых отныне в тайне души называл своими, на-

деялся на то, что они еще сюда придут. И чудо свершилось. В один прекрасный день они приехали на машине, вышли, ведя за руку своего ребенка, подошли ко мне и, как несколько лет назад, ласково погладили.

«А он еще более могучим стал», – сказал мужчина, который в нашу первую встречу был еще совсем юным.

А женщина согласно улыбалась.

«Смотри, мама, – сказал ребенок, – вот листочек упал на меня».

И счастливая мать ответила сыну:

«Его дедушка-дуб подарил тебе на память, поблагодари его».

«Спасибо», – пролепетал мальчик и спрятал листочек в карман.

– А на меня нахлынуло жаркое чувство счастья, – закончил свой длинный рассказ старый дуб и снова задумался.

Он думал о своей подруге, которая росла рядом, но погибла от рук врага. Боль этой вечно ноющей раны он будет превозмогать сам. Не хочет мириться с тем, что ее нет в живых. Для него она жива всегда. Верит в это и с тем живет…

Солнце садилось за горизонт, день угасал. Я засобирался домой. А два дерева, старое и молодое, уходили от меня в ночь. Я не сомневался,

что юный тополь опять встретит рассвет, потому что был рядом, шел в жизнь с мудрым, добрым другом – старым дубом.

1985 год. В мои 18 лет.

P.S.

С этим рассказом я впервые пришёл в Союз писателей (он находился там же, где и сейчас).

Меня приняли уважаемые литераторы Шайхи Арсанукаев и Хусейн Сатуев (ДАЛА ГЕЧДОЙЛА ЦАРНА). Они были дружелюбны и внимательны. Похвалили, поддержали и обнадежили.

А главное, научили тому, как сам должен относиться к начинающим писателям.

Впрочем, этот урок я извлёк 36 лет спустя, когда на мои плечи нелегким бременем легла ответственность за чеченскую литературу.

Во время той встречи я и помышлять об этом не мог, но мир мой в тот день стал светлее от их человеческого и профессионального участия.

ВЕРНЫЙ

(Автобиографический рассказ)

Вот уже несколько суток подряд на заставе метет пурга, всюду – сугробы, вечнозеленые сосны и ели в белом одеянии.

Наряд, возглавляемый рядовым Исаевым, вернулся на заставу к рассвету, лыжня была занесена, идти было трудно. На расстоянии нескольких метров ничего не видно, и поэтому уставшие после службы двое его товарищей быстренько поели и легли спать.

Не ложился только он: сидел в сушилке, смотрел на горевший в печке такой приятный после холода огонь, изредка подкидывал дрова и о чем-то думал. Глаза его выражали тоску и душевную боль.

Вчера он проснулся от собственного крика.

– Верный! – крикнул он, зовя своего друга – большую черную овчарку с умными и очень выразительными глазами, и разбудил сослуживцев.

Один из них, хорошо зная, что творится на душе у друга, тяжело вздохнул и положил руку на его плечо.

– Алик, не мучайся ты, уже ничего не исправить.

Тот и сам понимал это. И чем больше сознавал, тем больше болела у него душа…

С отпуска он возвращался с отличным настроением. Еще бы: после долгой разлуки опять оказался в кругу своей семьи, родных, увидел друзей и школьных учителей. А подъезжая к части, он думал о том, как много интересного будет у него рассказать ребятам, когда поднимется на свою высокогорную заставу. Ему хотелось поскорее увидеть всех ребят и, конечно, своего четвероногого друга по кличке Верный. Для него Алик вез в своем дипломате вместе с подарками для друзей кулек с конфетами. С собакой вместе он служил вот уже год.

Тогда, год назад, Верный был совсем еще глупым. И мало кто на заставе верил поначалу, что из него получится настоящая пограничная собака. Только Алик не обращал на это внимание, все время возился с Верным, настойчиво обучая его всему, что должна знать служебная собака. И вот уже позади были несколько месяцев кропотливого труда, когда Алика с Верным впервые взяли в тревожную группу.

Начальник заставы, характеризуя Алика, сказал однажды:

– Влюблен в специальность вожатого службы собак.

Уже больше никто не сомневался в способностях Верного. А Алик был просто счастлив. Все свободное время, которого так мало бывает на заставе, проводил он с Верным, баловал сладостями, покупая их на свою скромную солдатскую зарплату, когда в горы приезжала автолавка.

Однажды на заставу приехал комендант участка полковник Лазиашвили, и как раз в это время поступил сигнал о сработке. Инструктор был на службе, и в тревожной группе поехал Алик с Верным. Он сильно волновался тогда, но зря. Верный не подвел, быстро взял след и повел тревожную группу до конечной точки. Вечером на боевом расчете комендант участка полковник Лазиашвили объявил ему благодарность за этот поиск. Потом была окружная проверка, опять Верный показал «класс». Подполковник, возглавлявший комиссию, по-отцовски сказал:

– Молодец, солдат, и пес у тебя красавец.

Алик, подождав, пока он уйдет, повернулся к сидящей рядом собаке, приложил руку к козырьку.

– За верную службу объявляю благодарность!

Собака радостно гавкнула три раза – «Служу Советскому Союзу!» – так, как учили.

Бывало иногда, пограничники, свободные от службы, соберутся, начнут шутить:

– Алик, пусть Верный дембель нам найдет.

Алик давал команду, собака начинала яростно рыть землю передними лапами, но его отвлекали:

– Когда же домой? Скажи лучше, когда домой?

И пёс, подняв голову кверху, начинал жалобно скулить под общий хохот окружающих.

Однажды это увидел начальник заставы майор Козлов. Вызвал Исаева в канцелярию, но ругать не стал (человек он был с понятием), только сказал:

– Смотри, чтобы, отвлекшись этим, не запустил собаку. На него я сильно надеюсь, случись что.

Алик не подозревал тогда, что через день опять придется стоять здесь из-за своего четвероногого друга. А случилось следующее: когда он тренировал собаку, откуда не возьмись выскочили два петуха и затеяли яростную драку. Через несколько минут тот, который поздоровее, сдюжил соперника и начал его добивать. Но тут, подождав, пока хозяин отвлечется, ринулся к ним Верный и поранил победителя, не сумевшего быть великодушным.

Майор Козлов смотрел то на Исаева, то на старшину заставы прапорщика Калгина (петух был его).

Алик понял, если прапорщик простит – простит и Козлов. А прапорщик был не мелочным и, улыбнувшись, сказал:

– Отнеси на кухню, пусть повара приготовят на обед бульон для заставы.

– Есть! – ответил обрадованно Алик, затем выполнил поручение и пошел на питомник, где жили собаки.

Верный смотрел на него виновато, однако взгляд у хозяина был строг.

– Ко мне! – Собака подошла.

– За ущерб, нанесенный старшине заставы, объявляю выговор.

Собака, нехотя два раза гавкнула в ответ. Но тут Алик изменил свое суровое решение:

– Отставить выговор! За заботу, проявленную о личном составе объявляю благодарность!

Верный, осмелев, подпрыгнул и поправил носиком фуражку на голове друга…

Так пролетели лето и осень, уже лежал снег, когда Алик, избранный во время выборов секретарем комсомольской организации заставы, ехал на сборы-семинар. С собой вез он и Верного. Так начальник заставы посоветовал:

– Пусть он будет с тобой, здесь уже вольер пришел в негодность, надо чинить, а там они крепкие, бетонные.

Но что случилось с его четвероногим другом?

Однажды ночью Алик проснулся, услышав, что его кто-то тихо окликает. Он увидел, что рядом сидит Верный, положив одну лапу на одеяло, которым укрылся. Собака злобно рычала на

дежурного по заставе, пытавшегося разбудить Исаева. Пришлось отвести ее и прибить неизвестно как оборванную сетку.

Но беды на этом не закончились. Достаточно было, чтобы прошло несколько часов, как Алик не появлялся в питомнике, и Верный с окровавленной пастью, снова сорвав сетку, прибегал к нему. Алик, как мог, крепил вольер, но собака яростно хватала зубами сетку, срывая с гвоздей.

Ветеринар комендатуры сначала объяснил его поведение нехваткой витаминов, но добавление их в пищу не помогло. А начальник ветеринарной службы отряда, приехавший на заставу, отверг это предположение, сказал:

– У собаки развитое чувство хозяина.

– Что же мне делать? – спросил Алик.

– Меньше балуй его, будь строже с ним, может, и пройдет. Я такое вижу впервые…

На отрядном питомнике Верный чуть успокоился. Алик, повеселев, думал, что скоро вернется на заставу, но в конце сборов ему объявили отпуск. Через несколько дней инструктор прощался с собакой:

– Верный, ты только веди себя хорошо, а я привезу тебе много сладостей. И мы с тобой опять уедем на заставу.

Верный понимающе глядел на хозяина, несколько раз гавкнул, когда Алик повернулся, чтобы уйти, и неожиданно завыл…

Вернувшись в часть после отпуска, не успев перешагнуть через КПП, Алик побежал к питомнику и стал против вольера №5.

– Верный! – крикнул он, потом – еще раз и еще, но собака не встречала его радостным визгом и виляниием хвоста.

В сердце Алика закралась тревога. Открыл дверь, вошел вовнутрь и застыл. Потом кинулся к другу. Кулек с конфетами выпал. Он долго сидел, обняв бездыханное тело Верного. К нему подошел ветеринар Дима, хотел поздороваться, но Алик схватил его за ворот шинели:

– Почему он мертв, почему? Ты его загубил! Отвечай!

Увидев растерянность в глазах ветеринара, опомнившись, отпустил.

Дима виновато говорил, не стараясь скрыть появившиеся в глазах слезы:

– Я не мог ничего сделать. Когда ты уехал, он перестал кушать, ходил понурый, бился о стены, стараясь высвободиться, и никого не хотел признавать.

– Когда это случилось? – голос Алика дрогнул.

– Вчера вечером был еще жив, но очень слаб. Когда смотрел на него, мне казалось, что он боится уйти, не дождавшись тебя…

На заставу он приехал вечером. Все были в Ленинской комнате – шло комсомольское собра-

ние, об этом ему сообщил ефрейтор Иванов, который был часовым.

Не успел Алик войти и извиниться перед ведущим собрания, как оказался в объятиях своих товарищей.

Он старался улыбаться, но ребята быстро заметили его неважное состояние.

– Что-нибудь случилось?

– Верного привез?

Алик поднял глаза:

– Нет больше Верного…

В сушилку, прервав воспоминания солдата, зашли дежурный по заставе сержант Тимохин и замполит лейтенант Ломидзе:

– Смотри, Алик, каких щенят к нам привезли с соседней заставы.

Замполит взял одного и, подойдя к нему, совсем просто, без всякой официальности, сказал:

– Этого дарю тебе. Расти его. А тот будет моим.

– Спасибо Вам, товарищ лейтенант!

– Как назовёшь-то красавца?

– Верный, – произнес Алик и, бережно взяв на руки, погладил щенка.

Хутор Свободный,
1988 год

АБИТУРИЕНТ

Сегодня который раз проезжал мимо этого места, и который раз оно возвращает меня в прошлое.

Мне 54 года, я кандидат политических наук, являюсь советником Главы Чеченской Республики – лидера, покончившего с войной на нашей земле, заново отстроившего разрушенные города и сёла нашего края, лидера, который протягивает руку помощи людям по всему миру. Знаю это не понаслышке: двадцать предыдущих лет, будучи действующим журналистом и руководителем различных телерадиокомпаний, освещал события, происходившие на до боли родной земле.

Однако путь в профессию, от одного осознания принадлежности к которой обостряется вкус к жизни и улучшается настроение, был нелегок...

1984 год. Я в родном селе Мартан-Чу с отличием окончил школу, но в этот год по причине не стопроцентной укомплектованности учительского состава в некоторых сёлах, в том числе и

в нашем, отменили награждение золотой медалью. Оказалось, что педсовет и дирекция школы смирились с этим труднее, чем я, которому все его пророчили.

Они так настойчиво обращались в вышестоящие инстанции, что начальство, не отменяя своё решение, выделило для меня одно и единственное целевое направление в Пятигорский фармацевтический институт, который был мечтой для многих, но не для меня, грезившего военным училищем, офицерскими погонами и службой в вооруженных силах великой страны, власти и единственная партия которой, как уже было очевидно, начинали осознавать невозможность человеку жить без Бога и под тотальным контролем власти.

Конечно, это никто не озвучивал, тем более, не шла речь о покаянии за агрессивное отрицание Всевышнего и жестокое притеснение отдельных личностей и целых народов, просто по умолчанию перестали так остро реагировать на совершение религиозных обрядов и высказывание собственного мнения. Возможно, это было связано с буйным расцветом науки, в результате чего величайшие умы осознавали исключительно Высокую организацию жизни на земле и признавали свою неспособность объяснить это ничем иным, как наличием (как тогда, иногда, осторожно говорили об этом даже наши ино-

язычные учителя, ещё не решаясь рассуждать открыто о Боге) потусторонних сил, а ученые мужи, как известно, общаются с государственными мужами и к ним, нет-нет, да прислушиваются. Может, вследствие этого спала агрессия в отношении к религии и человеку.

Как бы там ни было, людям дышалось свободнее и жилось веселее. Такую страну хотелось защищать, но совет старших братьев – Увайса и Мохади, в свои семнадцать и пятнадцать лет заменивших нам, младшим, отца, я, как и остальные братья и сёстры, воспитанный матерью в духе того, что их слово – закон, воспринял как вердикт:

– Послужи в армии, присмотрись, убедись, что военная служба – это твоё, и тогда можешь прямо со службы поступить в военное училище. Нам же пока кажется, что со всем остальным ты справился бы, но с твоим характером у тебя будет одна очень серьёзная проблема: ты не сможешь выполнять приказы, с которыми не согласен, а армия основана на подчинении.

– Понял.

Это было всё, что я смог сказать, помня – сколько раз им на меня жаловались, и я бывал наказан за неуступчивость, по словам жалующихся, за принципиальность по моему собственному убеждению.

А цена за убеждения, как известно, всегда высока.

Наступала пора собирать лук, который ещё нужно было подстригать и связывать в пучки, но меня от этой работы освободили. Многодетная семья, рано лишившаяся отца, стремилась к тому, чтобы хоть один из нас мог получить высшее образование, очно обучаясь в ВУЗе. Этот шанс, благодаря маме и старшим братьям и сёстрам, опекать которых в своё время было некому, но рано взявших на себя опеку над нами, младшими, выпал мне. И я занялся подготовкой к вступительным экзаменам, которые предстояло сдавать на базе Грозненского нефтяного института. Причём, для поступления мне, в силу наличия целевого направления и, соответственно, внеконкурсного зачисления, достаточно было получить тройки, но амбиции юного отличника побуждали к достижению большего результата, и я углубился в учёбу.

Наступило время вступительных экзаменов.

После каждого из них мои одноклассники, поступавшие в разные вузы, спешили домой обрадовать своих родителей и родственников, а вечером мы все вместе шли к нашей классной руководительнице Хаве Ахмедовне, слёзы радости которой становились для нас стимулом к новым успехам.

Первый экзамен по биологии мне посчастливилось сдать на «отлично», билет, вытащенный мной, определённо придал оптимизма, но в моем сердце в тот день вместе с счастьем поселилась тревога: сразу после экзамена, когда я собирался покинуть аудиторию, ко мне подошла очень суетливая и тем заметная грубиянка (одни говорили, что она приехала из Пятигорского фармацевтического института, другие, что она то ли представитель, то ли руководитель экзаменационной комиссии при Нефтяном институте) и спросила, не здороваясь:

– Отец, мать есть?

– Мать, – ответил я.

– Пусть подойдёт ко мне.

Я слышал от ребят, что поступление стоит от семи тысяч рублей – цена «жигулей» – предмета большой роскоши редкой советской семьи. Слышал, но не хотел верить, что такое возможно в нашей стране, в нашей республике, и сейчас, почувствовав неладное, просто растерянно промолчал.

Следующая встреча с этой неприятной женщиной состоялась после второго экзамена по русскому языку и литературе, за который получил четверку.

– Сказал маме, чтобы подошла? – резко спросила она.

– Нет, – ответил я.

– Почему?! – её голос выдавал возмущение и раздражение одновременно.

– Маме не с чем к Вам подходить. Но если бы я сообщил ей об этом, она бы сильно расстроилась.

На экзамене по химии она сидела рядом с моим экзаменатором, милой русской женщиной, которая оценила мой ответ на четыре. Такой результат строгую руководительницу комиссии не устроил, и теперь две русские женщины, до очевидного контраста – одна бестактно, а другая тактично (в меру воспитания каждой) – решали мою судьбу:

– Его ответ не тянет на хорошую отметку.

– Тянет, иначе я бы не ставила.

– Здесь я решаю.

– Знаю, но давайте я ему тройку поставлю, для целевиков это погоду не делает.

– Нет, пусть идёт служить, поумнеет и вернётся адекватным.

Забегая вперёд, скажу: я не поумнел и в армии, но определился с выбором профессии. Отслужив, поступил (без денег и блата) в один из сильнейших вузов страны – в Ростовский государственный университет, на отделение журналистики, где среди семидесяти пяти студентов, двадцать пять из которых были иностранцы, а

пятьдесят – граждане СССР, я был единственным из чеченцев и ингушей.

Но это всё будет потом, а пока я молча встал, взглядом поблагодарил своего экзаменатора и извинился перед ней. До сих пор надеюсь, что она прочитала и благодарность, и извинение в глазах. Я испытывал чувство вины перед ней за то, что, пусть и невольно, стал причиной неприятного для этой милой женщины разговора.

Когда я выходил в коридор, из аудитории напротив вышел мой ровесник, он был очень расстроен. Его встретил и слегка приобнял за плечи все понявший отец. Я видел их и раньше, когда они вместе радовались успешно сданному экзамену и по-хорошему позавидовал юноше, у которого есть отец, с кем можно разделить свои эмоции. Но сейчас мне их стало пронзительно жалко...

Когда я приехал домой в село, моя мама и младший брат Асламбек вязали в пучки лук. Я поздоровался взглядом и, молча присоединившись к ним, включился в работу. Руки мамы и младшего брата, одновременно коснувшись моих плеч, согрели душу, которую боль разочарования заполнила настолько, что я почти не думал о провале в институт. Ещё бы: эта меркантильная хамка разрушила сегодня моё великое государство.

НАДО НАДЕЯТЬСЯ НА БОГА

1988 год. Я очень близок к заветной цели. Вот он РГУ – Ростовский государственный университет. Но одно дело – войти в его здание с манящей вывеской, чтобы сдать документы, и совсем другое – сдать успешно экзамены и стать его студентом.

Но мне даже первое оказалось недоступным:

– Вы не изучали иностранный?!

– Нет, в нашей школе не было учителя иностранного языка.

– Иностранный – один из экзаменов на журналистику. Извините, я не могу принять Ваши документы, – как не старалась молоденькая девушка из приёмной комиссии быть по-взрослому строгой, грустные нотки в её голосе выдавали сочувствие.

Даже в такой ситуации, когда ничего нельзя исправить, способность к сопереживанию тронуло душу, а её попытка скрыть это красноречивее всяких слов говорила об искренности.

– Спасибо, – стараясь не выдать своё состояние, произнёс я, взял протянутую девушкой обратно папку со своими документами и вышел на крыльцо.

– Что я скажу маме, чтобы она не сильно расстроилась?! Братьям, сёстрам, родственникам, друзьям? Как посмотрю в глаза учителям?! Они все так надеялись! Получается, путь в журналистику мне заказан?!

Сразу после службы в пограничных войсках на советско-турецкой границе я приехал в Заветинский район, устроился скотником и уехал на выпасы в километрах десяти от Сукты-хутора, который по-другому назывался «Свободный». Там жили и работали вместе со своими семьями трое из моих братьев и сестра. Выпасы – это вагончик на санках (внутри которого: кровать, тумбочка и керосиновая лампочка на ней), летний загон для скота из жердей и корыто для водопоя, регулярно заполняемое привозной водой совхозным трактористом – моим, за редким исключением, единственным собеседником. Других людей я видел только, когда изредка ездил вечерком на мотоцикле в село к своим, за продуктами, когда в жаркий полдень, пока коровы, прячась от палящего солнца, отдыхали после водопоя в тени редких в этих степных местах деревьев, посещал репетитора из села «Федосе-

евка» или с очередным рассказом отправлялся в редакцию районной газеты «Восход».

Всё остальное время в свете керосинки ночами, пока усталость не возьмёт вверх, и в седле целыми днями (пряча голову лошади и прячась сам под плащ-палаткой от дождя и солнца) готовился поступать в вуз, но никак не думал, что придётся отвечать по предмету и за предмет, которому не учили, наивно полагая, что экзамен по иностранному для тех, кому повезло учить его в школе. В моем понимании, здравый смысл заключался именно в таком подходе. Несколько лет спустя я даже сдам на «отлично» кандидатский минимум по испанскому языку, который начну изучать с нуля, но сегодня иностранный стал для меня приговором.

А ещё: зря потраченные на дорогу, проживание и питание деньги из семейного бюджета. В общем, день, похоже, не сложился, а как сложится жизнь, известно только одному Богу, чья милость, Хвала АллахIу, безгранична.

– Чем опечалены так, юноша?

Не сразу понял, что обращаются ко мне, но когда понял, не понравилось, что ко мне, молодому человеку с армией за плечами, обращаются, называя юношей. Раздражение помогли подавить дружеские нотки в голосе обращающегося. Я поднял голову и увидел перед собой се-

деющего мужчину аристократичной внешности с добрым выражением лица и проницательным, умным взглядом.

– Вы чем-то сильно расстроены, я прав?!

– Оказывается, я виноват, что Советская власть так и не дошла до моего села, – в сердцах выдавил я. – Говорят, без иностранного на журналистику не поступить.

– На Бога надо надеяться.

– На Бога только и остаётся.

– Вот и надейся, – он перешёл на ты и совсем по-родственному добавил: – Приходи завтра. Всего хорошего.

– Всего хорошего, – ответил я, провожая его взглядом, и подумал: «Что может изменить завтра?!»

Всё утро второго дня я собирал сумку в дорогу и думал о словах этого внушающего уважение человека, неожиданно встретившегося на моем пути. Собрав вещи, сдав ключи и поблагодарив тётю Валю, комнатку во дворе дома которой снимал, я вышел за двор с намерением ехать домой, но приехал почему-то на место нашей встречи с незнакомцем.

И, О АЛЛАХ!!! На входе в здание висит крупное объявление, сообщающее о том, что экзамен по иностранному языку заменён на экзамен по истории!!! Ноги стали ватными, голос предательски грозит выдать растерянность, ко-

мок в горле мешает говорить, и я просто молча стал перед стойкой, из-за которой вчера был озвучен мой приговор. Зато моя собеседница весела и разговорчива.

– Ну что Вы стоите, давайте документы!

– Я?

– Ну да. Вы разве не рады?! Везунчик, старожилы говорят, что такое впервые видят – экзамен заменили. Надо же, видать, чудеса перестройки.

– Не перестройки, – словно прозрев, неожиданно даже для себя говорю я, – на Бога надо надеяться, – и протягиваю документы...

Я успешно прошёл творческий конкурс. Только после него допускали к вступительным экзаменам. Он подразумевал наличие уже опубликованных материалов (на газете, которая их выпустила, под фамилией автора должна была быть подпись главного редактора и печать), собеседование с опытными журналистами и написание рецензии сразу после просмотра фильма. Сдал я и экзамены, но конкурс очень высокий, баллов не хватило, и меня, как и других, кто не смог сразу поступить, но отслужил в армии, зачислили на подготовительное отделение – так называемый рабочий факультет. Это было большим достижением и возможностью восстановить знания!

Рабфак окончил с отличием, автоматом перевели на заветный первый курс отделения жур-

налистики филологического факультета. Домой летел, словно на своих крыльях. Счастью моей семьи не было предела...

Лето пролетело быстро, и вот 1 сентября. Мы, будущие журналисты, в актовом зале главного корпуса ждём появления декана филологического факультета РГУ Евгения Алексеевича Корнилова (кто-то даже утверждает, что он внучатый племянник генерала царской армии Корнилова). Ждать пришлось недолго. В зал в сопровождении нескольких человек вошёл мой добрый знакомый, седеющий мужчина аристократичной внешности с добрым выражением лица. Ещё у дверей он остановился и обвёл проницательным, умным взглядом аудиторию, нашёл меня, удивлённо стоящего среди сокурсников и, прежде чем пройти на место в президиуме, подошёл.

– Ну что, мой друг, как живётся, когда надеешься на Бога?!

– Хорошо, особенно, когда Всевышний своей безграничной милостью сводит тебя с хорошими людьми на земле...

2005 год. Я – руководитель Грозненской телерадиокомпании. Годы, войны и другие потрясения припорошили голову сединой. Решил построить дом, нанял бригаду: отец и его двое сыновей, младшему на вид – лет пятнадцать.

– Тебе разве не пора учиться? – спрашиваю я.

– Я учусь, а летом помогаю отцу.

– Поступать собираешься после школы?

– Собираюсь, только не знаю, что получится.

– А на кого?

– Хочу стать спортивным журналистом, публикуюсь в школьной газете, выступаю на олимпиадах.

– Возьми визитку и позвони мне, когда окончишь школу. Если буду жив, – добавлять последнее научили войны....

Через два года состоялся наш новый разговор с моим юным другом. К этому времени я успел поработать начальником департамента внешних связей Президента и Правительства Чеченской Республики и возглавлял филиал ВГТРК ГТРК «ВАЙНАХ».

– Спасибо за поддержку.

– Пожалуйста, отучишься пару лет, позвони мне. Если буду жив, подумаем о работе для тебя. Только учись хорошо.

Он учился хорошо и позвонил через два года, а я ещё был жив... Сегодня Адам Ахмадов – известный не только в нашей республике, но и за её пределами спортивный журналист, успешно работающий в региональных и федеральных СМИ...

– Евгений Алексеевич, я передал эстафету добра...

КРАСНАЯ ГВОЗДИКА, ИЛИ ИСПОВЕДЬ ОДНОКУРСНИКА

Он собирается на свидание и должен сегодня выглядеть на все сто. Сегодня он завоюет сердце самой красивой девушки в университете, а может, и во всем мире. Студент второго курса отделения журналистики Ростовского государственного университета, безнадежный приверженец порядка, придумавший ему даже определение: порядок – это чистота плюс расстановка предметов, сейчас не обращает никакого внимания на раскиданные по всей комнате вещи. Последние были бы немало удивлены, если вообще могли удивляться таким непривычно небрежным отношением хозяина, но даже если они заговорили об этом, он бы их не услышал – просто-напросто не заметил бы, что произошло чудо. Все его мысли сейчас – о ней. В первый раз увидел ее на студенческом вечере – она стояла на сцене с гитарой в руках и пела.

Увидел – и влюбился!

Радостное волнение овладело им. Он был просто счастлив, что она есть на свете. Эльмира же была великолепна. Ему показалось, что девушка ниоткуда появилась на сцене и исчезла в никуда, спев своим замечательным голосом. Он готов был держать пари, что лучше никто никогда не пел и не споет, а так классно играть на гитаре может только она.

После той встречи прошло полгода… За это время он ни разу ее не видел, но часто думал о ней, и это будоражило его юную душу. Он очень хотел снова увидеть ее.

И вот вечером это должно произойти. Сегодня снова вечер – студенческий фестиваль «Весна–90». Она там будет, и он тоже. Ему поручено написать материал о вечере для университетской газеты «За советскую науку». Место для него уже забронировано. Об этом в профкоме ему сообщила девушка сама, глядя на него своими голубыми, ясными, как небо теплым весенним днем, глазами. Она даже не догадывается о его чувствах, но сегодня, после вечера, он обязательно поговорит с ней. А потом возьмет такси и отвезет ее домой. Ему почему-то казалось, что девушка непременно должна жить в уютном частном доме, окруженная комфортом и роскошью. В общежитии, даже в таком, как его,

он ее не представлял. Вечер начался, как и было намечено, ровно в девятнадцать.

Он сидел в зале, делая записи в своем блокноте, но происходило это все реже и реже, потому что как не старался акцентировать свое внимание на том, что происходило на сцене, ему это не удавалось. И, странное дело, его это почти не беспокоило. Главное, здесь присутствует она, и он может любоваться ею, а все остальное…

В самом деле не перестанет же издаваться газета из-за одного его плохого материала… Дождавшись окончания вечера, он покинул свое место и проходя между столиками, влюбленный и счастливый своей надеждой на взаимность, направился к ней.

Но вдруг к восторженному состоянию души примешалась какая-то непонятная, неизвестно откуда взявшаяся тревога. Еще мгновение – и теплые чувства, обуревавшие его, сменились леденящим душу разочарованием. Он не сразу понял, что произошло, но в себя его привел недовольный окрик уборщицы:

– Что Вы стоите, как вкопанный, из-за Вас я не могу работу докончить?!

Молодой человек молча окинул взглядом пустой зал, усмехнулся и вышел на улицу. Он ни за что бы не вспомнил потом, как остановил такси, сказал или нет, куда водителю ехать.

Студент молча сидел в машине и смотрел на освещенную фарами дорогу, по которой, опираясь на руку мужчины лет тридцати пяти, плыла навстречу подвыпившая красавица и пела «Красная гвоздика, красная гвоздика», а в руках у нее был цветок, который она безжалостно мяла, и ничего ее при этом не смущало.

1991 год

ДОЛИНА ЛЮБВИ

Самолет «Боинг–747», выполняющий рейс Рим–Нью-Йорк, набирал высоту, все более отдаляясь от цветущей земли и приближаясь к ясному, безоблачному небу. Природа обещала чудесный день. Настроение пассажиров соответствовало погоде. Более всех выделялся один из них – симпатичный молодой человек лет двадцати восьми, с глазами, сияющими радостью, которой другому хватило бы на всю жизнь. Строгий черный смокинг, «бабочка» под ослепительно-белым воротничком рубашки, белый платок, вложенный в нагрудный карман, искусной работы браслет классических часов, обрамляющий кисть руки, золотая печатка на безымянном пальце, до блеска начищенные туфли – все говорило о том, что их владелец чувствует себя превосходно. И могло даже показаться странным, что на висках этого молодого брюнета уже поблескивает седина.

Но вряд ли это удивляло его самого…

Студенческие годы – удивительная пора…

Солнечный свет казался сиянием ее белокурых волос, а счастье стало настолько осязаемым, что казалось, его можно потрогать руками. Но счастье зыбко. И вскоре они ощутили, что есть такое страшное явление – разлука. Родители, что с одной, что с другой стороны, и слышать не хотели: одни – о каком-то «макароннике», другие – о янки. Ее увезли, а он, зная о ее страданиях, молился вечерами, ставшими такими долгими и одинокими. Шло время, но чувство, однажды овладевшее им, не оставляло его спустя даже годы. И вот он в самолете. Только она еще не знает, сколько решимости в сердце ее возмужавшего друга, которого она помнила совсем еще молоденьким…

Он сидел, чуть откинувшись в кресле, а на коленях у него лежал букет великолепных роз. С его лица не сходила счастливая улыбка. Стюардесса с правильными, красивыми чертами лица и длинными черными волосами узнала его: это был ведущий телевизионной программы «Долина любви», мечтавший, как он говорил в одной из передач, превратить планету в империю любви и мира.

Она была влюблена в этого журналиста с первого дня, как увидела его на экране. Это был день презентации его программы. Она знала, что он не женат, но ее все время смущало то,

что символом «Долины любви» была очаровательная блондинка с ясными голубыми глазами. Девушка старалась не замечать ее и не думать о ней. Но блондинка всегда мешала ее радостному волнению, когда она смотрела его очередную передачу. И теперь девушка поймала себя на мысли, что невольно ревнует его к ней и к этому букету.

Когда самолет приземлился, молодой человек взял цветы, перекинул плащ через руку и направился к выходу. Проходя мимо стюардессы, он вежливо поблагодарил ее и попрощался. Стюардесса смущенно ответила ему и подумала: «На него посмотришь, станешь неисправимым жизнелюбом – столько радости в его глазах».

Он ступил на трап, сделал несколько шагов вниз по ступенькам и вдруг застыл как вкопанный, мешая пройти другим.

– Разрешите, – раздался голос у него за спиной.

Обернувшись, он увидел мужчину с сумками в руках. Молодой человек сделал шаг в сторону и встретился взглядом со стюардессой. Её глаза выражали удивление, а его – такую боль, что казалось, ее не вместит в себя не только один человек, но и вся Вселенная.

Заметив тревогу во взгляде девушки, он спокойно надел очки и твердым голосом сказал:

– Вы были так внимательны во время полета, эти цветы – вам.

А когда она растерянно взяла букет, повернулся и не торопясь ушел, на ходу накидывая плащ на плечи.

Девушка в смятении оглянулась вокруг и увидела блондинку в свадебном платье. Под руку с женихом и в сопровождении нескольких человек, она направлялась к дальнему самолету. Это заметил еще кто-то из пассажиров и восхищенно произнес:

– Чудно отправиться в путешествие прямо в день свадьбы!

Стюардесса все поняла и бросилась за молодым человеком. Но его уже не было видно. Тогда девушка побежала за невестой, догнала и, дрожащим голосом вымолвив: «Это вам!» – протянула ей букет. Блондинка взволнованно взяла цветы. В ту же секунду девушки, неожиданно для самих себя, кинулись друг другу в объятия и заплакали…

С этого дня он выходил в эфир в тех самых темных очках. Поговаривали даже, что он почти никогда не снимает их, но никто не мог понять, почему. Только очаровательная блондинка с ясными голубыми глазами и брюнетка с правильными красивыми чертами лица знали, какую боль прячет за ними этот седеющий молодой человек из «Долины любви».

МИЛОСЕРДИЕ

Сосредоточение материальных средств и власти в руках патриотов – большое благо для народа, и большая беда, если их прибрали проходимцы.

Практика шла обычно для бывшего телевидения или, точнее, того, что осталось от некогда мощного Госкомитета ЧИАССР по телевидению и радиовещанию, сотрудников которого в своё время приглашали в заграничные командировки для освещения международных мероприятий и даже Олимпийский игр в столице СССР в 1980 году.

Теперь же функции телевидения были сведены на нет. Ему (лишённому, как и другие СМИ, права выбирать достойных собеседников и стоящих поводов) отводилась роль громкоговорителя, чтобы всем был слышен «революционный» бред проходимцев, в одночасье ставших вершителями судеб утончённых натур по причине того, что утонченные натуры не верили в про-

исходящее, потому что верили, что такое происходить не может, и… бездействовали. Когда же прозрели, оказалось, что точка невозврата уже пройдена, а проходимцы окрепли...

Лето 1992 года отличалось от лета предыдущего года только тем, что всё в Чеченской Республике пришло в ещё больший упадок, а разочарование трезвомыслящих людей росло пропорционально нахальству упивающихся своей безнаказанностью «чиновников», понятия не имеющих о том, что у должностных лиц бывают должностные обязанности.

Они вообще считали, что общество должно им, и общество расплачивалось: дети – пособиями, взрослые – зарплатами, старики – пенсиями. День выплат вообще не существовал, а окошки для выплат давно заклеены, как правило, газетой «Ичкерия».

Одни по инерции ещё ходят на работу, другие тоскуют дома, третьи осваивают базар, переименованный для приличия в рынок, или грабёж государственного имущества, по той же причине теперь называемый службой в вооруженных силах...

Плохо жилось во всей России, в том числе и в Чеченской Республике, власти и часть населения которой не признавали Россию, но от её денег не отказывались. В то же время власть, а

также часть населения России, не признавала её независимость, но отказывалась разговаривать с ней как со своей. Порочный круг вот-вот замкнётся, но это, как и стремительное отчуждение государственного имущества в пользу новых типа русских и откровенно нерусских должно произойти незаметно, и голодным, ободранным людям предложили переживать за богатых, которые тоже плачут. Приучали, что завидовать особо нечему, раз плачут, как и бедные. Тем более, тогда нет повода бастовать, пусть все эти богатства лягут тяжким бременем на плечи нуворишей.

Так им и надо!

На экран вышел бесконечный мексиканский сериал! Жизнь многих отныне состояла из трёх частей: просмотра, обсуждения и ожидания новой серии мелодрамы «Богатые тоже плачут». А имена её главных героев Марианны и Луиса Альберто жители огромной страны, никогда не знавшие имён своих соседей по этажу, выучили очень быстро и стали давать своим детям! С просмотра очередной серии этой драмы начинался и «рабочий» день сотрудников телевидения. Происходило это ставшее ритуальным действие в редакции, к которой я, студент третьего курса отделения журналистики, был прикреплён для прохождения производственной практики.

В других редакциях телевидения телевизоров попросту не осталось, и сотрудники, прихватив стулья, спешили к нам.

В один из дней, когда собравшиеся после очередного просмотра перешли к обсуждению, я в очередной раз ждал удобного момента, чтобы предложить коллегам ознакомиться со своим сценарием, но внутренне был готов к тому, что и сегодня столкнусь с равнодушием. Дух творчества постепенно подавлялся апатией одних и агрессией других.

И вдруг заговорили о знаках зодиака:

– Я рыба, – говорит собеседникам главный режиссёр, талантливейший человек Руслан Магомедов.

– Я тоже, – без умысла вставляю я.

Никогда не думал, что такой мелочи может оказаться достаточно для сближения!

– Да?! А что ты так далеко сел, пододвигайся к нам.

– Руслан, у меня тут сценарий.

– Давай посмотрим, – главный режиссёр не спеша и внимательно знакомится с задумкой и произносит: – Второй раз вижу журналиста с режиссёрским видением! Тебя как зовут?

– Аламахад, Вы разрешите снять этот материал?

– Молодой человек, я сам с удовольствием поработаю с тобой над твоей программой!

«Милосердие» – хорошее название, и сценарий грамотно расписал. Ты откуда взялся? Работал раньше?

– Я сам из села Мартан-Чу, учусь в Ростове. Там ещё с пятью однокурсниками, которые тоже прошли отбор, с первого курса сотрудничаю с Ростовским телевидением.

– И что доводилось делать?

– Доводилось в прямом эфире вести телемарафон в пользу детей-инвалидов. Помогаю готовить детскую программу, она называется «Тридцать шесть и шесть», ведём с одним парнем, Кириллом Шулеповым, телеурок по айкидо.

– Спортсмен?

– Ученик, в зале тренер учит нас, мы в эфире – детей.

– Споёмся!..

Очень скоро весь материал для тележурнала «Милосердие» был отснят, включая опросы на улицах Грозного. Спрашивая у людей разных возрастов, как они понимают милосердие, даже встретил знакомого, которого не сразу узнал.

– Милосердие – это когда поступают так, как ты год назад со мной в Ростове поступил, когда я по наивности повёлся на поводу у наперстников и проиграл вчистую, а ты, наткнувшись на меня после этого, повёз ночевать в общежитие и на второй день, купив билет, посадил на самолёт в Грозный. Вспомнил меня?!

– Теперь – да!

– Спасибо тебе ещё раз! Давай, я хоть теперь рассчитаюсь с тобой.

– Ты уже дважды сделал это – тогда и сегодня, а спасибо дороже денег...

Монтажка девяностых – это большое помещение с массивным оборудованием, а монтаж – работа многоступенчатая. И вот, когда, наконец, подошёл мой черёд, и я оказался в заветной комнате, сюда забегает русская девушка Вика (фамилию не знал и тогда) и виновато просит всех покинуть помещение.

– К нам едет министр информации Удугов. Сказали, чтобы ему никто не мешал.

– И не будем мешать. Здесь же могут работать одновременно несколько человек, а мне программу до окончания практики надо успеть смонтировать.

Удугов вошёл раньше, чем Вика успела ответить.

– Почему здесь посторонние?

– Председатель на выезде, кто-то из заместителей сейчас подойдёт, меня попросили, я не успела.

– Позови мне быстро монтажника. Попросили её... – министр бесцеремонен.

– Я думал, министры не так общаются: с девушкой на ты, нас вообще салама не удостоили, – выказываю недовольство я, делая вид, что

не замечаю Руслана Магомедова, который прикладывает пальцы к своему рту, стараясь, чтобы я закрыл свой.

– А ты кто такой? – министр немного опешил, но быстро восстановился.

– Чеченец!

– Подождёшь за дверью, пока я не закончу монтировать Абдуррахмана Автурханова, я только что из Германии, – не смог не похвастаться министр.

– Здесь несколько монтажных стоек, ты мне не мешаешь. У меня история про стариков, которые муку с отрубями мешают, чтобы не голодать. А Абдуррахмана мне жаль, думаю, что ему предоставили однобокую информацию и спровоцировали говорить то, что вам нужно. Это отвернёт от него многих, кто не знает технику пропаганды, но будут слышать его положительную оценку происходящего.

– Что ты сказал? Да сейчас моя охрана тебя образумит, – вскипел Удугов, но сам разбираться не спешил.

– А как ты их позовёшь? – закрываю дверь и делаю шаг в его сторону.

– Ты это брось, – преграждает мне путь главный режиссёр (министр навстречу не спешит), – мы не на ринге, а на телевидении!

– На будущем телевидении, Руслан, – боясь обидеть своего творческого наставника, поправ-

ляю я. – Когда-нибудь оно будет таким, каким должно быть телевидение, а пока – это руины прежнего.

Оказалось, что всё-таки возможно было одновременно монтировать и министру информации, и студенту-практиканту. Он своё интервью смонтировал быстро, мы с главным режиссёром, похожие друг на друга в своей щепетильности, возились ещё долго над своим тележурналом.

И вот, наконец, работа окончена, и я заполняю заявку на эфир. В это время ко мне подходит сотрудник отдела выпуска.

– Ты знаешь, Соловди Яхъяев приказал нашему руководителю Адлану Яхъяеву не ставить в эфир тележурнал «Милосердие».

– Да?! – я, проводив его взглядом, беру новую заявку и пишу в графе «название»: «Ичкерия сегодня».

P.S.

Почти одновременно в эфир пошли две передачи. В одной власть, за пару лет приведшая в упадок богатейший регион, искала тех, кто ещё готов сказать слово в её поддержку, в другой обнищавшие жители искали во власти хоть кого-нибудь, кому есть до них дело.

И те, и другие с каждым днём становились все ближе к новым потрясениям.

ГРОЗНЫЙ–БУДЁННОВСК–МОСКВА

Когда 14 июня 1995 года Шамиль Басаев с отрядом вооруженных боевиков, проехав большое расстояние и множество постов, захватил роддом в Будённовске, я оканчивал университет в Ростове-на-Дону, где нам, студентам-кавказцам, невозможно было проехать от общежития к факультету без неоднократных проверок документов и настойчивых требований не кучковаться.

А как председатель правительства страны братался по телефону с полевым командиром, мы уже слушали, находясь в районном отделе милиции, куда нас «пригласили» на беседу. Странное дело, но в голосе нашего собеседника в погонах было больше раздражения, чем в голосе Виктора Черномырдина, разговаривающего с Шамилем Басаевым, хотя счёт убитым к этому времени, включая силовиков, горожан и заложников, уже перевалил за сотню, а раненые сотнями исчислялись.

Впрочем, оказалось, что это удивление было не единственным, которое мне суждено было ис-

пытать по поводу Басаева и Будённовска. Главный «сюрприз» ожидал в Грозном, где счёт убитым и раненым уже и не вёлся толком, а все ещё неубитые воспринимались как пока живые, без всякого осознания и принятия их права на жизнь и защиту...

19 июня Басаев и его боевики, прикрываясь вынужденными и добровольно ставшими ими заложниками, покинули Будённовск и, беспрепятственно добравшись до нашего края, оказались в объятиях своих сторонников...

Дней через 10–12, закрыв последнюю сессию, уже дипломированным журналистом кое-как добрался до дому и я, а 3 июля был принят на работу на должность редактора общественно-политических программ ГТРК «ВАЙНАХ». Фотоателье в разрушенной республике было днём с огнём не сыскать, и я, взяв ножницы, приспособил на удостоверение фотографию, где после посещения театра снялся в смокинге и бабочке. Это фото не раз способствовало успешному выполнению редакционных заданий. Нередко у военнослужащих на постах, открывших для себя вместе с удостоверением и тот факт, что поголовные бандиты, мягко говоря, не совсем бандиты, или совсем не бандиты, появлялась некоторая растерянность и даже чувство вины (это всегда бывало заметно), и меня с моей съёмочной группой пропускали.

К этому нужно добавить и то, что МИЛОСТЬЮ ВСЕВЫШНЕГО я везуч на хороших людей...

Мой декан и наставник Евгений Алексеевич Корнилов был взволнован, когда мы беседовали с ним перед моим отъездом из Ростова.

– Ты же собирался поработать за границей, на свой проект «Долина любви» накопить. Я был рад, когда ты придумал свою творческо-экспериментальную студию телевидения, когда узнал, что хочешь рассказывать зрителям о любых проявлениях любви и доброты. Подумай ещё раз!

– Если бы не война, так и поступил бы, но сейчас я еле до окончания учебного года дотянул. Последние полгода – как вечность. Каждая секунда заполнена страхом за родных и близких, рядом с ними легче будет, чем переживать вдалеке.

– Аламахад, ты понимаешь, что там убить могут?!

– Там уже убивают, Евгений Алексеевич. Сейчас время, когда специалисты должны возвращаться в Чечню. Надеюсь, война не затянется (затянулась), и тогда вернусь (не вернулся) и к вопросу работы за границей, и к «Долине любви».

– Береги себя.

– Попробую.

– И помни, воином твой народ был всегда, но адаптироваться в современном мире ему помогут только его образованные представители. Высокое понятие чести и развитое чувство справедливости в связке со стремлением сохранить свою идентичность, а она того стоит, в наше время нужно защищать силой знания, а не оружия.

– Спасибо Вам, Евгений Алексеевич, за всё спасибо!

– Удачи тебе, мой друг, удачи!..

И вот мы с Виситой Халадовым (он и оператор, и водитель) по разбитым дорогам родного края едем на УАЗе в село Шалажи, где, по словам главного редактора Зулай Зайналабдиевой, ставившей нам перед выездом задачу, должен состояться митинг с призывом к примирению противоборствующих сторон и поиска мирного урегулирования вместо военных действий.

Согласно редакционному заданию, по прибытии на место нам предстояло состыковаться с местной пророссийской властью. Она в лице администраций вот уже несколько месяцев действовала в каждом населённом пункте наряду с отделами МВД, Прокуратуры, ФСБ, военными комендатурами, блокпостами и воинскими частями. Но ощущение такое, будто все нормальные структуры, и люди парализованы отсутствием политической воли и единоначалии

наверху. Мандат только у подлецов и только на мародёрство и беспредел в отношении мирных жителей, независимо от национальности и вероисповедания...

Представителей власти мы на месте проведения митинга не увидели, зато здесь в избытке были вооруженные до зубов боевики и их сторонники, обвешанные всевозможной атрибутикой, вплоть до значков с изображением Джохара Дудаева и ичкерийской символики на женских платках и различных мужских головных уборах.

– Мы не туда попали, – констатирует очевидное Висита. – Надо уезжать, а то без камеры и машины останемся, если самих не заберут.

– В самое туда, – уже завёлся я. – Слышал, что говорят? Ждут появления Басаева, за ним безуспешно журналисты со всего мира охотятся после Будённовска. Нам, похоже, крупно повезло. Такой материал снимем, ВАЙНАХ рулит!

– Я микрофон с логотипом убрал в сумку, ты хоть удостоверение спрячь, – мой опытный оператор куда умнее меня.

Решил прислушаться к нему и переложить удостоверение в карман брюк. Не успел.

– Это что за двуглавая курица у тебя на корочке? – симпатичный молодой человек с чисто чеченской внешностью указывает стволом автомата прямо на передний карман рубашки, через

белую ткань которой всегда чётко прослеживается содержимое.

За парнем подошли ещё боевики, видно, что он у них старший.

– Во-первых, это не курица, а орёл. Во-вторых, какая разница, что у кого на удостоверении изображено? У тебя волк, у меня орёл. Главное с людьми себя ассоциировать, а не с хищниками.

– В горах поговорим об этом, – выносит вердикт командир.

– Где угодно, – продолжаю дерзить я, но понимаю, что влип не на шутку.

Чувствую вину перед Виситой и не знаю, как отвести от него беду.

– Его не трогайте, вы видели его передачи. Никому не подыгрывает, говорит правду про всех, – оглянувшись, увидел Виситу.

Полевой командир из моего села (погиб менее года спустя в апреле 1996 года во время боёв в селе Гойское), как всегда, подтянут и аккуратен. После возвращения домой и до сегодняшнего дня я успел подготовить несколько материалов, вероятно, о них и говорит мой односельчанин. В селе его уважают (хотя идейные противники и сожалеют о том, что он не услышал их), видно, что уважают его и здесь. Нас больше не беспокоят.

Вскоре приехали Аслан Масхадов, Шамиль Басаев, его брат Ширвани, другие командиры.

Толпа ликует, Шамиль упивается славой. Блокпост, находящийся вблизи скопления боевиков, притих, мы снимаем репортаж с места события...

В студии, находящейся в одном здании с правительством (в августе 1996 года оно будет сожжено), нас с оператором уже ждали назначенный на эту должность 19 июля новый (прежнего сняли после Будённовска) министр внутренних дел Российской Федерации Анатолий Куликов, Премьер-министр Чеченской Республики Саламбек Хаджиев и главный редактор телевидения Зулай Зайналабдиева. Но не только: всюду охрана, много охраны. Видимо, полагали, что я приеду с Басаевым. Встретили в коридоре.

– Где кассета? – министр резок.

– А где Басаев, Вас не интересует? – всё поняв, язвительно отвечаю я.

Никогда не видел более мягкого применения грубой силы: к стене прижали так, что и не больно, и двигаться не могу. И ещё зачем-то автоматы скрестили у меня на груди. Зафиксировали конкретно.

– По закону о СМИ я имею право… – начал было я, но Куликов прервал:

– Для всех Басаев в Абхазии – и точка.

– Приятно быть страусом?

Думаю, что меня спасло присутствие Хаджиева, да и из кабинетов, услышав шум, стали

выходить коллеги. В коридоре становилось тесно. Как бы там не было, министр оставил без реакции мой выпад, и они с премьер-министром и главным редактором удалились смотреть запись. Я видел, что такая позиция Куликова чужда и Хаджиеву, и Зайналабдиевой и даже, похоже, его охране. После просмотра мне удалось поговорить с Саламбеком Наибовичем. Он уважительно и даже дружелюбно отнёсся ко мне с первого интервью, которое я с ним записал, и даже поблагодарил, как он тогда выразился, за содержательные и конкретные вопросы.

Впрочем, я сам был ему признателен за конкретику в ответах, за хорошие манеры и принципиальность в вопросах защиты населения от кого бы то ни было. Вот и сейчас он отозвался на мое обращение.

– Саламбек Наибович, я не знаю, что происходит. Может, министр обязан террористу своей должностью. Если бы не эта вылазка, так мог бы и остаться замом, но война идёт на нашей земле и умирают тоже наши. Это никогда не прекратится, если мы будем прятать голову в песок. Шамиля видели сегодня многие. От того, что мы не покажем, только авторитет власти и пострадает, ведь все знают, что не я принимаю решение показать или нет. А неавторитетная власть войну закончить не сможет!

– Всё не так просто, – премьер-министр задумчив, – подожди до завтра. Подумаем.

На следующий день помощник Саламбека Хаджиева вернул кассету и сказал:

– Можешь показать, только просили вырезать момент, где Басаев говорит, что это крестовый поход против мусульман. Ты знаешь, что это не так, других мусульман же не трогают.

– Знаю. Передай от меня большое спасибо!

– Передам.

Первое после теракта видео с Басаевым вышло в эфир ГТРК «ВАЙНАХ». Федеральные и мировые СМИ мгновенно подхватили новость. Никто больше не мог изображать, что нет человека, а значит, нет проблем. Доверие к республиканской власти, как кровно заинтересованной к достижению мира, начало расти вместе с её делами. Это было видно по отзывам.

Но вскоре Саламбека Наибовича Хаджиева уволили с поста премьер-министра. Чеченской Республике предстояло пережить март, февраль, август 1996 года, три последующие годы и новую войну.

ХВАЛА АЛЛАХIУ за то, что заранее знать обо всех бедах не дано!!!

P.S.

Спустя двадцать лет, в 2016 году, после выборов Главы Чеченской Республики мы снова

встретились с Саламбеком Наибовичем и тоже на ГТРК «ВАЙНАХ». Он специально заехал в гости ко мне, шутил:

– Расстались, когда ты был редактором ВАЙНАХА, а встретились, когда стал его директором.

– Я очень рад Вас видеть, Саламбек Наибович. Как хорошо, что Вы приехали на инаугурацию!

– Как не приехать на инаугурацию Рамзана Ахматовича?! Он человек на своём месте, мирная и цветущая Чеченская Республика доказательство тому. Разве мы не об этом мечтали?!

Это были слова действующего академика с мировым именем, результаты научных исследований которого реализованы не только в России, но и во многих странах. Слова человека с опытом работы министром химической и нефтехимической промышленности СССР, народным депутатом СССР, членом Верховного Совета СССР, председателем Государственного Комитета по промышленной политике РФ, Председателем Правительства Национального Возрождения Чеченской Республики!

Мы выпили чай, вспоминали разное, в том числе и то, как я прямо во время совещания, уговорив охранника, который знал о хорошем отношении Саламбека Наибовича ко мне, и под

укоризненным взглядом пресс-секретаря Заремы Исмаиловой зашёл в зал заседания, прошёл к президиуму и сообщил ему, тогда руководителю Чеченской Республики, о том, что только что прямо на улице задержали более двадцати молодых людей и, погрузив в автобус, увезли в сторону печально известного РПАП–5, именуемый с начала войны «фильтрационным пунктом». Зловещее место, откуда возвращались только единицы, и то калеками.

– А Вы тогда не сделали мне замечание, наоборот, поручили продолжить совещание без Вас и поехали на перехват. Ребят отпустили, не успев довезти.

– Все эти ужасы происходили не по установке власти, а из-за её отсутствия. В федеральном центре тогда царила неразбериха, порождённая борьбой кланов. Это всё очень усложняло.

Саламбек Наибович пробыл в гостях недолго. Мы тепло расстались во дворе компании. Оказалось, что теперь навсегда. Через два года его не стало.

Все уходят когда-то, только нормальные люди оставляют после себя след в виде добрых дел, другие – преступные отпечатки своих злодеяний!

ЖАРКИЕ ДНИ ХОЛОДНОГО ФЕВРАЛЯ 1996 ГОДА

Многотысячная толпа уже несколько дней жила на площади перед остатками здания Президентского дворца, который президентским стал только потому, что новоиспечённому руководителю, приговорённому к потрясениям края, Джохару Дудаеву приглянулось здание, которое прежний «плохой» руководитель Доку Завгаев строил для диагностического центра. Кстати, под председательством Завгаева 27 ноября 1990 года Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР принял «Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики». Это произошло мирно и без боевых речёвок, а руководство ЧИР искало пути конструктивного взаимодействия с союзным и федеративным центрами, противостояние которых собственно и спровоцировало раскол и гибель СССР, а политическую арену заполнили проходимцы и авантюристы всех мастей, национальностей и

конфессий. И все получили то, что получили: чиновники с олигархами – приватизацию, банкиры с подельниками – авизо, рядовые россияне – нищету, а жители Чечни – войну.

В феврале 1996 года у руля республики снова встал не борющийся за власть и не отказывающийся от неё Доку Завгаев, а в центре Грозного – снова митинг, грозящийся в любой момент перерасти в вооруженное столкновение.

– Для кровопролития достаточно малейшей провокации с любой стороны, – в кабинете председателя ГТРК, кроме Зулай Зайналабдиевой, мой коллега Саид-Магомед Баширов (ныне заместитель министра Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации), который согласно кивает в знак поддержки. – Поговорите с Завгаевым. Если он согласится, я то же самое предложу и дудаевской стороне: одинаковое количество участников дискуссии с одинаковым количеством времени, со мной и с их ведущим, запись на нейтральной стороне, в эфир – только после одобрения обеих сторон. Я уверен, получится выслушать друг друга. Другие пути ведут в никуда.

– Хорошо, я попробую, – Зулай Саидовна, как всегда, уважительна.

Ответ получил уже через несколько часов, и я, вдохновлённый такой поддержкой, уже про-

бираюсь сквозь огромное скопление людей к тому, кто всей этой массой тут верховодит. За мной идет приставленный ко мне связной – наш молоденький оператор Сухраб Баштаев, но без камеры. Его задача, не привлекая внимания, следить за тем, что происходит со мной, и если что пойдёт не по плану, немедленно вернуться в студию и сообщить об этом.

Пока всё идёт нормально. Высокий бородач в белом тулупе и в такой же белой пастушьей шапке, припорошенной снегом, выслушал предложение достаточно дружелюбно. Он хоть и стоит у самого большого костра с большим наполненным до краёв мясом казаном, но видно, что тоже хотел бы домой.

– Я передам твоё предложение наверх. Приходи завтра за ответом к двенадцати.

– Договорились, – вечером, на всякий случай, поведал о затее брату Лом-Эле, чем не на шутку озадачил майора, заместителя начальника республиканского линейного отделения внутренних дел на транспорте.

Но он всегда уважал решение человека и допускал риск ради стоящего дела.

– Хорошо, – он не в восторге, конечно, но и запрещать не стал, – ты же не случайно только сейчас об этом сообщил, когда уже обещал вернуться. Боялся, что буду против?!

Ночь тянулась долго. Спать мешали не только редкий треск автоматных очередей, гул орудий и газовая горелка, но и мысли о том, как будет развиваться ситуация, если завтра получу отказ. Понятно же, что долго так продолжаться не может, ситуация и так накалена до предела.

– Зайдём, – сегодня мой новый знакомый менее приветлив, а во взгляде – острота.

Когда мы оказались внутри Президентского дворца, сообщил решение сверху.

– Сейчас тебя отвезут куда надо вот эти люди, они же привезут обратно. Не бойся, не обманем.

– Я бы сюда не приходил, если бы боялся. К тому же, если собираетесь обмануть, то заберёте силой в случае отказа, а если нет, привезёте обратно, как и обещали. Поехали.

– Ты всё правильно понял, – и уже обращаясь к своим товарищам: – Везите!

На выходе я успел подмигнуть Сухрабу и попытался, улыбнувшись, успокоить его и уберечь от привлекающей внимание суеты. Обошлось – везут только меня одного!

Посадили между двумя немолодыми женщинами на заднее сиденье двухдверной красной «Нивы», впереди – водитель и напарник. Ехали недолго, завезли во двор дома №107 по Старопромысловскому шоссе. (Вроде как дом двоюродного брата Джохара Дудаева. Так потом говорили, но я намеренно не уточнял.)

Внутри дома – много людей, чеченцы и не только, из знакомых – Пола (фамилию не помню), достаточно смело заявляет о том, что ситуацию нельзя накалять.

– Ассаламу Іалайкум!

– Ва Іалайкум ассалам! Говори, что хотел.

Изложил предложение, все, кто был напротив, переглянулись.

– Ничего не получится, мы с предателями за один стол не сядем.

– Они считают предательством то, что сделали вы, но согласны на диалог.

– Тут есть даже депутат Госдумы Курочкин, так что без них обойдёмся.

– Курочкин? – я не смог скрыть ухмылку. – А он, наверное, с «Петуховым» посоветуется?

– Нам самим он «не очень», но на диалог с оппозицией не пойдём. Люди на площади не поймут.

– Теперь вы оппозиция. И вообще, кто у вас ведущий и кто ведомый? Что значит на площади не поймут, разве не вы их туда зазвали?!

– Попей чаю и уезжай.

– В месяц уразы чай среди белого дня?!

– Мунафики тоже постятся? – собеседник начинает нервничать.

– Не знаю, постятся мунафики или нет, но точно ими люди не становятся только от того,

что вы их так называете. В доме Правительства есть комната для намаза, а охраняют его ребята, совершившие хадж, один трижды совершил паломничество. (Тот, про кого говорю, погиб от рук соотечественников в августе того же года.)

– Я ценю твою искренность и прямоту, но ответ на твоё предложение – нет.

– Я твою сдержанность. Здесь я один, и не мог пятиться, это сочли бы за трусость. Вас много, и вы могли себе позволить быть терпеливыми. Ассаламу Іалайкум!

– Ва Іалайкум ассалам!

Обратно ехали тем же составом и в том же порядке, только «попутчики» были более дружелюбны.

– Ты будь осторожен, могут убить свои, чтобы списать на нас.

– Для меня вы все свои. Я уезжал учиться, был один народ, а вернулся – много группировок.

– Знаешь, я до войны был главой села Самашки. Если захочу связаться, напишу письмо и внизу поставлю арабскую букву «даль». Без неё не верь, она так пишется, рисует на панели.

– Я читаю по-арабски, – тянусь вперёд и превращаю букву в обозначение точки зрения. (Вспомнил университетский спецкурс по стенографии.) Ты не верь без этого, если кто напишет от меня, тебя тоже могут захотеть списать на них.

– Пробка, досматривают, – взволнованно показывают на длинную колонну женщины.

Наступила пауза.

– Я пройду вперёд, с моим удостоверением могут пропустить без очереди. Вы подождите здесь. Выпускайте меня.

Через несколько минут я уже на посту.

– Командир, что случилось? – молоденькому солдату нравится, что к нему как к командиру обращаются.

– Журналиста похитили.

– Какого журналиста? – я растерянно пытаюсь понять, кто из моих коллег попал в беду. – Как его фамилия, не знаешь?

– Да Ельсаев какой-то, а имя с чёрта два выговоришь.

– Спасибо.

Возвращаюсь к машине:

– Вам лучше вернуться.

– Кого-то ищут?

– Меня. Даст АллахI, свидимся!

– Береги себя!

– Вы тоже. И поговорите со своими, вас лучше услышат. Мы не можем это противостояние передать потомкам.

Вернувшись на пост, я предъявил удостоверение и сказал, что это какое-то недоразумение. Попросил не задерживать людей.

– Чёрт знает что! Дались вы мне!

– А вы – мне! Война, командир, война!

В студии встретили заплаканные женщины. Как мог успокоил их и помчался в линейный отдел – брата успокоить. Опоздал!

– Не отвечают, значит, находятся в толпе на площади, – говорит дежурный после очередной неудачной попытки связаться по рации.

– Каков их план? – уже в его машине спрашиваю милиционера, вызвавшегося меня отвезти.

– Остальные должны страховать Лом-Элу, а он собрался подойти к их старшему, которого описал ваш оператор и, сунув в его карман руку с гранатой без кольца, попытаться вывести его за пределы площади.

– Сколько их?

– Лом-Эла позволил пойти только родным и двоюродным братьям.

Теперь я пробираюсь сквозь толпу, стараясь быть замеченным раньше, чем брат разыщет главного среди митингующих. Уже почти потерял надежду, и вдруг встречаюсь взглядом с младшим – Асламбеком. Он за локоть осторожно останавливает Лом-Элу за пару метров до цели. Старший оборачивается и, увидев меня, жестом показывает, что уходим.

Несколько милиционеров в гражданской одежде вышли за площадь с разных сторон одно-

временно. Все они только что были в шаге от смерти.

К местным сотрудникам силовых структур взывали все при опасности и приравнивали к врагам при её отсутствии.

Никто из братьев меня не упрекнул. Эти люди знали, что значит служебный долг, и оправдывали риск ради благополучия людей!

P.S.

Пройдёт несколько тяжёлых лет, и тысячи противостоявших в это время друг другу чеченских парней станут вместе с представителями других российских национальностей на защиту снова ставшего единым народа от «своих» и «чужих» подлецов.

А мне посчастливится работать в команде Кадырова! Ахмат-Хаджи (да примет Всевышний его газават) и Рамзан (да продлит Аллах его жизнь) – это те люди, которые милостью Создателя сумели сплотить нас всех на пути созидания! Пусть никто и ничто никогда не нарушат Мир на нашей земле! АМИН!!!

ЦЕНА ВОПРОСА

Лето 1996 года. В небе над городом Шали светит солнце, но на душе холодно, а ещё напрягает мучительный контраст между ясным днём и не сулящим ничего хорошего вечером. Его приближение – как мрачное напоминание о том, что срок ультиматума безжалостно истекает, обрекая на мучения и гибель огромное количество людей, среди которых большинство – дети, женщины и немощные старики.

Вообще, та война была многоликой с обеих сторон: воины отважно гибли на полях сражений, трусы безжалостно отыгрывались на беззащитных мирных людях, политики, поправ мораль, создавали себе имидж с перспективой его монетизации, коммерсанты, пренебрегая имиджем, уже цинично делали эту самую монету, мировое сообщество изображало сочувствие, а мирных жителей маленького края настигло большое несчастье…

Вот и на этот раз требование к окружённому городу озвучено предельно ясно и до отвраще-

ния беззастенчиво. Предписано сдать определённое количество оружия (для отчёта в Москву и сюжета на федеральном канале) и денег (для пополнения командирских карманов). В противном случае грозятся стереть Шали с лица земли. Оружие вместо денег исключается, деньги вместо оружия до каких-то значений приветствуются.

Шалинцы встревожены, но не все. На рынке стоит потертый бильярдный стол. Те, кто ждут своей очереди играть, следят за теми, кто уже скрестил кии. Все молодые люди. До сих пор не знаю, то ли они презрели страх и тех, кто пытаются его внушить им, то ли были в неведении происходящего. Но как они могли не знать то, что знают все?!…

Пункт для приёма оружия и денег (несколько столов и стульев) расположился прямо на площади в центре. За ними сидят в ряд старейшины и военные чины. Люди сдают последние деньги. Их разворачивают, считают, складывают купюра к купюре, обматывают, кладут в рюкзак и делают запись в тетради, но оружие никто не несёт, и это не удивительно. Простое охотничье ружьё, даже при наличии разрешения на него, могло стать приговором к смерти целой семьи при первой же зачистке. Естественно, от оружия давно избавились. И теперь где его взять? Пришлось отправить ходоков с частью собранных

денег ко всевозможным дельцам, они немного стволов набрали, этого оказалось недостаточно, чтобы осаждавшие почувствовали себя победителями.

Обратились к боевикам, но разжалобить их не удалось. Вернулись с одной единственной гранатой из-под подствольника, оскорбленные ухмылкой, с которой протянули подачку, и разочарованные равнодушием к беззащитным людям.

Теперь многие жалели, что нет этого самого оружия, чтобы с остервенением воевать против одних и других.

Обстановка накалялась. Каждая фраза – как клинок. Военным кажется, что оружия и денег у горожан в избытке, нужно только поднажать. Горожан раздражает ненасытность военных и их готовность приступить к жестоким репрессиям в случае невыполнения своих условий.

Выход всё же нашли: оружия теперь тоже набралось достаточно. Его, прежде чем унести, деловито осматривают и тоже вносят в список, только уже на бумаге, напоминающей ведомость. В толпе поговаривают, что его купили у самих военных, мол, они всегда возят с собой незарегистрированные стволы. Но я это своими глазами не видел, соответственно, подтвердить или опровергнуть не могу.

– Может, попробую это снять? – презрительно показывая на возню с оружием и деньгами, говорит оператор и водитель Шамо Ховхаров.

Шамо очень добрый и щедрый человек, но сейчас зол не на шутку. Он намного старше меня, вчерашнего студента, без году неделя редактора ГТРК «Вайнах», и я вежливо прошу не делать этого и объясняю свою позицию, убеждаю, похоже, не только его, но и себя.

Накипело. Целый день об этом размышлял и злился:

– То, что здесь происходит в Грозном и Москве, устраивает не всех, но многих. Поэтому оно и происходит. Это из той же серии, когда после якобы восстановления каких-то объектов, вдруг столица на некоторое время оказывается в руках боевиков, всё опять якобы разрушается в результате боестолкновений, а потом боевикам вдруг дают коридор обратно, будто бы во избежание жертв среди населения. А об уже имеющихся жертвах, и не только среди мирных людей, но и своих подчинённых, предпочитают не говорить, зато каждая из сторон рапортует о своей победе, одни – о захвате Грозного, другие – о его освобождении. Списанные деньги оседают в карманах продажных мерзавцев.

Если даже нам сейчас удастся снять эти чертовы торги, покинуть живыми Шали и выдать

материал в эфир, не изменится ничего, кроме того, что по этой причине, а значит, по нашей вине, мирные жители Чечни потеряют возможность хотя бы выкупать жизни своих родных и близких!

– А если ничего не делать? – Шамо всё прекрасно понимает и лучше меня, но настроен порассуждать вслух.

– Всё надо делать в своё время. Мы приехали сюда вместе с председателем Правительства Чеченской Республики Н.П. Кошманом и министром по делам национальностей Лёмой Дадаевым. Есть и районная власть – приехал представитель ОБСЕ Тим Гульдиман, вон визитку мне после интервью всучил, прежде чем убраться. Их присутствие кого-то смутило? Ничуть. Сейчас главное – избежать жертв. Если начнётся, их будет очень много. Кстати, я отдал все деньги, видел, что ты тоже подходил к столу. Если остались ещё, займи. Останемся живы, верну, а погибнем, они и тебе не понадобятся.

– Сто долларов хранил на чёрный день, – усмехнулся Шамо.

– Он наступил, – улыбаясь, сказал я и, взяв деньги, снова подошёл к столикам.

Теперь на них лежали ещё и технические паспорта автомобилей. Люди готовы были отдать и отдавали всё, лишь бы отвести беду от своих семей.

– Шамо, мы с тобой договорились не уезжать, пока что-то не прояснится. Может, всё обойдётся, но если нет, ты снимай всё подряд, я буду комментировать. Кто останется последним, должен постараться не оставлять кассету в камере, военные уничтожат её сразу – надо спрятать в какое-нибудь укрытие. Может, найдут со временем? Пусть хоть когда-нибудь узнают правду. Я уверен, в России есть другие люди в погонах, которые готовы призвать к ответу вот этих. Наши родные, наверное, будут гордиться нами!

– Договорились. Чеченские сотрудники шевроны поснимали, если начнётся, собираются воевать против одних и других. Они, как и гражданские, винят обе стороны в обострении ситуации.

– Так оно и есть, будем держаться поближе к ним…

Всё как будто бы обошлось, но напряжение ещё висит в воздухе, который нередко рассекают какие-то болванки, звук которых можно описать, как если бы огромная калоша летела бы в небе, переворачиваясь.

Ночевали мы у гостеприимных жителей Шали Абдулмуслимовых. Шамо чистил камеру и заряжал аккумуляторы, я, готовясь к завтрашнему эфиру, писал текст к будущему сюжету, чтобы поведать зрителям, среди которых будут и шалинцы, хотя бы то, что возможно.

Честный журналист на войне – это не тот, кто рассказывает всю правду о ней, такого не бывает, а тот, кто рассказывает её не всю, но без лжи…

Получив следующую зарплату, я пошёл на рынок и купил сто долларов.

– Шамо, возьми. Надеюсь, в том, что город Шали цел, есть и наша с тобой заслуга.

– Оставь, не нужно. Я и так собирался их пожертвовать.

В это время мы на его желтом и всегда чистом УАЗе ехали уже на другой выезд…

ПРОФЕССОР

Профессор пропал перед самым началом воздушных обстрелов Грозного. Не зря говорят, что животные чувствуют приближение беды, и я остался в квартире совсем один! Да что там, в квартире – в Чечне! Моя Мама тогда была у брата в Кабардино-Балкарии, Лом-Эла жил и работал там. Убедить в необходимости покинуть вместе с семьями родной дом и край остальных братьев и сестёр стоило больших усилий. Но война – вторая за несколько лет – уже у порога, серая осень в разрушенной республике только усиливает уныние безрадостного существования, и я настаиваю:

– Пожалуйста, уезжайте, а то скоро это будет невозможно сделать, в городе демонтировали и вывезли бензоколонки, нет света. Трупы на улицах находят не только после обстрелов – люди стали сводить счёты друг с другом. Сам видел заколотого ножом мужчину. Пешком обошёл всех наших родственников. Кого-то удалось

уговорить, кто-то отказался. Вы хоть прислушайтесь.

– Мы и в ту войну были дома, принимали беженцев с других районов.

– В ту войну у Урус-Мартана был Юсуп Эльмурзаев (да смилуется над ним Всевышний), а сейчас хозяйничают ваххабиты. Здесь может быть хуже всего. Раздайте скотину тем, кто всё-таки остаётся, загрузите в автобус Усмана муку и сахар, что мы припасли. Дети в нём будут под крышей, вы тоже можете в машинах пересидеть непогоду. Пусть лучше под дождём, чем под снарядами. Мурад Гадиев из Ингушетии примет вас, мы с ним служили вместе. А там Лом-Эла приедет, решит, как быть. Главное – уезжайте из Чечни.

– А ты как? Сам почему не поедешь?

– Я поеду, отвезу вас и вернусь.

– А если с тобой что случится?

– Я журналист, я должен оставить видеохронику этого времени. Рамзан, Шамиль и я дали слово друг другу. Это наше дело! Мы должны!..

У меня пять братьев и две сестры. Все, кроме Асламбека, старше меня, тем не менее, нехотя, но прислушались. Мне даже показалось, больше, чтобы успокоить меня. Впрочем, главное не это, а то, что они теперь в безопасности. Их опустевшие дома и квартиры навевают угнетающую

тоску, а ещё Профессор, которого мне совсем маленьким котёнком подарил мой друг Муслим Авторханов, как сквозь землю провалился! Где я только не искал его!

Вы видели ночной рынок в опустевшем городе? И не дай вам Бог увидеть! Он собирается при тусклом свете горящего газа. К нему стекаются немногочисленные продавцы и покупатели – те, кто ещё не выбрался из города, и многочисленные кошки и собаки, которых вдруг некому стало кормить.

Люди договариваются об обмене – денег почти ни у кого нет. Животные ждут подаяния и грызутся за каждый брошенный кусочек. И все – люди и животные – боятся расходиться по тёмным домам чёрных улиц призрачного города, но боятся они не гнетущей темноты, а того, что в любую секунду может появиться вспышка света, выхватывающая из мрака одну или несколько жизней.

Город всё чаще подвергается обстрелам. Одному переживать это очень тяжело. Почти всех кошек и собак, что на рынке, я теперь узнаю, но Профессора нигде нет… Я был один в квартире и в конце концов остался один во всём девятиэтажном доме. Закончились продукты и деньги, нечем даже керосинку зажечь. Хорошо, что Её (супруги-чеченцы не произносят имена друг

друга) с шестимесячным ребёнком отправил с братьями и сёстрами!..

В дверь постучали.

– Ассаламу Іалайкум!

– Ва Іалайкум ассалам! Заходи, Шамиль!

– Перебирайся к нам, – говорит Шамиль Гегаев, мой верный друг и очень талантливый инженер, – наш дом тоже опустел, всего несколько семей осталось.

– Не могу, Шамиль. Не обижайся, я должен быть здесь. Вдруг Профессор вернётся?

– Ты и раньше об этом говорил. А если не вернётся? Так и будешь тут один во всём доме прозябать?

В это время, не помню, что раньше, но я отчётливо услышал, как скребут по двери и мяуканье!

– Профессор! – вскрикнул я и открыл дверь.

Он запрыгнул мне на руки и, сильно обвив лапами шею, жалобно, без устали мяукал. Я крепко обнял его и... заплакал. Кот вернулся, даря надежду, что скоро мы всей роднёй будем вместе. И только в этих объятиях мы с ним, похоже, осознали, как соскучились по ним и друг другу.

Так продолжалось, пока я не увидел полные слёз глаза друга. Стало неловко.

– Теперь пойдёте к нам?!

– Да.

Мы, наконец, дошли с РТС до улицы Косиора в четвёртом микрорайоне. Жена Шамиля и двухлетний сын были рады нам. Алиса принялась хлопотать у «печки» из кирпичиков во дворе многоэтажки, а маленький Билал занялся обучением Профессора. В принципе, от него требовалось немного – только не убегать от желающего его гладить по шерсти и против ребёнка. Когда против шерсти, Профессор не приветствовал. Алиса объясняла, почему, но маленький Билал об этом в порыве нежности частенько забывал.

Вечер нёс нарастающую тревогу, а ночь вообще была беспокойной. Интенсивность обстрелов нарастала изо дня в день.

– Наверное, и мне своих надо вывозить отсюда, – с грустью сказал Шамиль на следующее утро.

– Куда мы без тебя?! – пробует возразить Алиса и ищет заступничества у меня. – Пожалуйста, скажи ему.

– Алиса, что я скажу?! Я своих вывез, теперь и Профессора отвезу. Так надо.

– Рамзан тоже своих повезет, – добавил Шамиль. – Решено…

Еле достали бензин кустарного производства, чтобы заправить «Волгу» Рамзана. Выехали рано утром, сразу после намаза.

Это было в пятницу 29 октября 1999 года. В машине с нами ехала тетя Рамзана – талантливый

режиссёр, всю жизнь проработавшая на телевидении Зайнап Шахбулатова, вдова известного на весь мир композитора Аднана Шахбулатова. В планах у нас: отвезти их, перегнать с ингушского телевидения на канал ТВЦ отснятый нами в Чечне для программы Владислава Фляркovского видеоматериал и вернуться в Грозный, чтобы продолжить работу.

Едем по тому, что осталось от дороги. Бакинская трасса, в народе – «бакинка», вся в ямах. Огибая их, в сторону Ингушетии медленно двигается многокилометровый поток транспорта. Почти на всех – белые материи: платки, полотенца, простыни, кто-то в надежде выжить вывесил даже часть марли – «марчо» по-чеченски, припасённый на случай гибели своей или близкого. Им окутывают покойника, прежде чем предать земле. К несчастью, сегодня их будет много, но мы пока об этом не знаем и продолжаем путь.

В веренице транспорта – грузовики, в них – скарб, а поверх – люди, молодые и старые, женщины и дети. Много «Икарусов», в которых везут больных. Лежачих вместе с носилками положили прямо поверх сидений, врачи и другие больные стараются удержать их, чтобы не падали от тряски на разбитой дороге. Накануне сообщили, что сегодня откроют коридор, и люди

надеются долечиться под мирным небом. Чечне оно не досталось.

Еле добрались до границы, но беженцев тут же стали разворачивать. Увещевания ничего не дали. Несколько стариков, которых люди уполномочили говорить от их имени с военными, вернулись ни с чем:

– Говорят, что не успели компьютеры установить. Требуют вернуться по домам, но в город ехать не советуют, – тяжело произносит тот, кто постарше.

– Из властей Ингушетии никого не было там? – спрашивают из встревоженной толпы.

– Ни из властей Ингушетии, ни из властей Чечни там никого нет, – с грустью констатирует седобородый переговорщик.

– А они обещают коридор обратно? Стрелять не будут?

– Гарантируют безопасность на два километра от поста.

– Как это два?! Колонна на десятки километров растянулась, конца краю не видать!

Старик ничего не сказал. Мужчины стали молча разворачиваться, стараясь не смотреть в глаза женщинам и детям…

Странное чувство овладевает человеком, когда он осознаёт, что он и все, кто для него дороги, – лишние в этом мире…

Мы тоже кое-как развернулись. Это оказалось очень непросто при таком скоплении людей и техники, когда между ними нет никакой связи, и те, что подальше, влекомые надеждой, продолжают напирать на тех, кто, исполненный разочарования, пытается нащупать новый путь в никуда.

У одиночек опустились бы руки, но обременённые ответственностью за других позволить себе это не могут. Алису с сыном Шамиль посадил в машину к родственникам, чтобы сразу ехали к её родителям. В нашей – Зайнап, Рамзан, Шамиль, я и Профессор, спрятавшийся под курткой у меня на груди. По пути посадили ещё одного человека, представился как Мохади.

Некоторое время ехали спокойно. Зайнап угощала нас кусочками жаренного мяса, припасённого на дорогу из последних запасов.

Ярко, по-весеннему светило солнце, ничего не предвещало беду. Но вдруг налетели самолёты и, играючи пикируя над колонной, выпустили несколько ракет. Взрывы раздались один за другим, но далеко от нас. Вскоре мы подъехали к раскинутым на дороге и вдоль неё машинам. Некоторые горели. Выскочили из машины, Рамзан Межидов (он очень талантливый, известный не только в республике оператор) начал снимать на бегу, мы с Шамилём бежим рядом, Зайнап и Мохади кричат нам вслед, просят быть осторож-

ными. Профессор сильно испуган, стал вырываться. Пытаясь запихнуть его обратно под куртку, я немного отстал. Это было больше похоже на скрежет большой трубы, ударившейся об асфальт, и следом – взрыв. Казалось успокоившийся кот неожиданно вырвался и, взъерошив шерсть, побежал в лесополосу. Я ринулся за ним, но он быстро исчез в высокой траве, по которой, как бешеные, поскакали в разные стороны испуганные лошади. Кто-то пытался перегнать в безопасное место свой косяк и лишился его.

– Уходите с дороги, самолёты возвращаются, – крикнул кто-то.

В это время я услышал шёпот и, оглянувшись, увидел то, что никогда больше мне не забыть: женщина лет двадцати пяти сидела, вся дрожа, прижавшись спиной к стволу дерева. Она прятала в судорожных объятиях совсем крошечного ребёнка и сильно прижимала к себе мальчика четырех–пяти лет, словно защищая от всего этого безжалостного мира. Никогда раньше не слышал, чтобы ребёнок так молился.

– О АллахI! – обняв маму и малыша, плача, шептал маленький человек, на которого бессердечные взрослые взвалили большие испытания. – Ты же можешь это остановить. О АллахI, помоги нам, пусть с мамой и братом ничего не случится!

Я смотрел на них в оцепенении. Время свалилось на душу тяжким бременем, вся жизнь с невероятной скоростью пронеслась то ли перед глазами, то ли в зрительной памяти. И, как сейчас помню, чётко для себя решил, что, если выживу, обязательно создам партию прочного мира (название само собой сложилось из мыслей). Единственной её целью будет, чтобы женщины и дети больше не боялись жить! А пока никто не знал, что нас ожидает, и я на всякий случай выкинул из кармана зажигалку и другие ненужные вещи. Тогда ещё я не был свободен от вредной привычки, но не хотел, чтобы моей семье было неловко, если, готовя к омыванию мой труп, увидят их в моих карманах.

Самолёты улетели. Но потом, видимо, решили вернуться, чтобы посмотреть на результат своей «работы» – типичная армия ельцинской эпохи, успевшая разочароваться в руководстве СССР, и преданная ещё до того, как успела поверить руководству РФ. Причём предательство политической элиты было цинично оформлено ею же как военное поражение вооруженных сил в 1996 году. А ещё – влияние озверевшей пропаганды, которая, на радость врагам России, днём и ночью подгоняя своих сторонников и противников под общую гребёнку и оскорбляя их всех, сплачивала против своей страны уже не только

чеченский народ (третий по численности), но и другие народы.

Так было перед первой войной и повторилось перед второй. Всё это стало большой проблемой для Федеративного государства и страшным приговором для жителей Чечни.

Тяжелое наследие предстояло принять Ахмату-Хаджи Кадырову – ещё не признанному Москвой заступнику чеченского народа! Тяжёлую ношу предстояло взвалить на себя Владимиру Путину после восьмилетнего правления в прямом смысле редко трезвомыслящего политика, которым, как хотели, вертели олигархические группировки...

Люди стали выходить и окрикивать друг друга. Я делал то же самое. Зайнап и Мохади отозвались быстро.

– Подождите здесь, – попросил я, – сейчас найду Рамзана и Шамиля. Они, наверное, по другую сторону дороги, раз не слышат.

Глазам открылась страшная картина: чёрная от копоти дорога усыпана чёрными от той же копоти трупами взрослых и детей, некоторые оказались под опрокинутыми взрывом автомобилями. Шамиль и Рамзан лежали рядом с детишками, которые ранее сидели поверх скарба в кузове грузовика с привязанной к черенку лопаты белой простыней.

Всего убитыми насчитали сорок восемь человек, восемнадцать из которых – дети.

Вечером на первом канале сообщили, что в районе Шаами-Юрта уничтожен опорный пункт боевиков, ликвидированы сорок восемь бандитов.

Не было тогда народа в мире бесправнее нашего…

Когда немного пришёл в себя, начал думать о создании партии. В это время посчастливилось близко узнать Ахмата-Хаджи и Рамзана Кадыровых, они были очень искренни и решительны в своём стремлении положить конец беспределу со всех сторон. Больше не было необходимости думать о создании партии прочного мира, надо было присоединиться к горстке тех, кто, рискуя своими жизнями, уже его приближают. Так я и сделал. И никогда об этом не жалел…

P.S.

В начале двухтысячных я приезжал к месту, где жил в Грозном. Надеялся, что Профессор вернулся туда, но не было ни его, ни домов: все три девятиэтажки, уцелевшие после боёв, взорвали омоновцы. Как оказалось, с какого-то из этих домов кто-то по ним выстрелил…

Спустя два года, я приехал домой в Гудермес, где снимал квартиру ещё с тех пор, как здесь воссоздалась телерадиокомпания. На пороге меня встретили Мама и супруга. Обе взволнованы.

– В дверь скребли, услышали мяуканье! Открыли – и вошёл он, очень похожий на Профессора. Прошёл в твою комнату и лёг на подушку. Уже несколько часов там.

Когда я вошёл, он открыл глаза. Мне показалось, что в них не было вообще эмоций – одна усталость. Искупали его, накормили. Ест неохотно. Взяли кассету и стали сравнивать по видеозаписи. Окрас и пятна совпадают, но семечки есть не стал. А Профессор ел, не просто ел – щелкал. Мама с моей тётей тогда продавали семечки на базаре. Мы жарили их каждый вечер и пробовали на вкус. Профессор пробовал вместе с нами.

– Может, забыл уже, – говорит Мама, – столько времени прошло.

– Может быть…

Он пробыл у нас всего три дня, выходил и быстро возвращался. Спал только на моей кровати. Провожал на работу и встречал. Не ласкался, не играл. Только тоскливо поглядывал и прижимался к груди, забравшись на руки. А потом вышел и не вернулся.

29 октября исполняется 22 года, как нас убивали. Я не виню в этом русских или, тем более, чеченцев, но никогда не прощу тех, кто не жалел ни нас, ни их, ни кого бы то ни было!

20.10.2021

ЗАСАДА

Наступил вечер последнего апрельского дня 2004 года. Жители Чеченской Республики после проведения референдума и избрания Президента понемногу привыкали к статусу людей, у которых тоже есть права. Хотелось верить, что тишину, всё реже прерываемую выстрелами, скоро вообще не будет ничто нарушать.

Даже о пении птиц взамен канонаде не мечтали. Душам, так давно не знавшим покоя, хотелось просто тишины. Но были и те, кто наступление полного мира воспринимали как приговор, лишающий возможности дальнейшего обогащения и карьерного роста.

То, что это всё происходило на крови и за счёт крови простых людей и своих подчинённых, их не беспокоило и даже устраивало. Таких хватало по обе стороны, и они представляли смертельную угрозу для всех, кто действительно представлял кровный интерес жаждущих мира людей...

Рамзан вернулся домой поздно, потом что-то долго обсуждал с отцом. Вышел только, когда Ахмат-Хаджи сел изучать накопившуюся за день почту (особенность графика работы Президента, работающего в ситуации войны).

Мама, жена и дочери – пятилетняя Айшат, четырёхлетняя Хадижат и Хутмат, которой нет ещё и двух годиков, не спали, терпеливо ждали момента, когда смогут увидеть Рамзана. И он, поставив в угол автомат и сложив портупею со «стечкиным», с удовольствием к ним присоединился.

Но не успели они обмолвиться несколькими словами, как заговорила рация:

– Дустум! Дустум!

– На связи.

– Нападение на Аллерой!

Аману встрепенулась и затихла, Медни взяла её за руку, дети прижались к бабушке и маме.

– Без меня не выезжать, буду через минуту, – Рамзан хватает автомат, портупею, и, на ходу улыбнувшись матери и домочадцам, выбегает на улицу.

В темноту, которую рассекают фары его «Нивы», двадцатисемилетнего сына, стоя под навесом чуть поодаль, молча провожает взглядом пятидесятидвухлетний отец – Президент многострадальной республики.

Вскоре треск автоматных очередей и выстрелы из гранатомётов разорвали зыбкую тишину. Засада...

Когда под утро следующего дня я приехал на базу, находящуюся на окраине села, Рамзан и бойцы после разбора ночного боестолкновения чистили оружие.

В дверях столкнулся с Патриотом. Он взволнован.

– Слушай, Рамзан о тебе очень хорошо всегда отзывается, попробуй поговорить с ним. Может, прислушается.

– А что случилось?

– Нас свинцом поливают в темноте. Повыскакивали из машин, залегли прямо на дороге и ведём встречный огонь, пытаемся понять, сколько их, установить точки расположения, а он встал во весь рост, стреляет и ещё кричит.

– На кого?

– Да ни на кого, а им, – вместе с тревогой в голосе Абузейда слышна и гордость за командира: «Я Рамзан Кадыров, а это мои соратники. Вы только исподтишка можете нападать. Выходите, если мужчины. Даже не знаю, как его не зацепило. Хвала АллахIу!

Рамзан заметил меня:

– О, заходи!

– Ассаламу Iалайкум, хвала Всевышнему, Вы живы!

– Ва Іалайкум ассалам! Погиб «Добрый» мой друг и одноклассник. Гора, Раян и Иса Магомадов тяжело ранены, ещё у семерых лёгкие ранения. Они хотели нас врасплох застать. Нас четырнадцать человек было, а их трупов мы тридцать восемь на рассвете собрали. И остальных достанем скоро. Всех до единого!

«Четырнадцать всего, один погиб и десять раненых. Тяжелый бой был», – подумал я и решился:

– Рамзан, а обязательно было стоять во весь рост под огнём?! Если с тобой что случится...

– Ты хоть не начинай!

– И всё же?

– Ну, необязательно, конечно. Просто не смог заставить себя искать укрытие от их огня.

– Они бы об этом не узнали в темноте.

– Зато я бы знал.

– Ребята говорят, что сегодня ночью пытались убить тебя, что для этого и нападение устроили, и засаду. Знали, что ты поспешишь на помощь. Обязательно самому во всех операциях участвовать?!

– Закончим этот разговор.

– Понял.

– Кстати, Ваша (ставший для Ахмата-Хаджи соратником сын так называл отца) не должен об этом узнать. Все слышали?!

– Когда-нибудь, если буду жив, я напишу рассказ об этом.

– Когда-нибудь, если будем живы, мы прочтём его!

Наступало утро 1 мая – Международного Дня солидарности трудящихся. Израненный край пытался встряхнуть пепел войны. Занималась долгожданная мирная жизнь, но цена за неё, оказалось, ещё не оплачена!

До гибели Первого Президента Чеченской Республики Ахмата-Хаджи Кадырова оставалось восемь дней...

Чечня! Как же непросто тебя излечивали от ран!

P.S.

Всего, как выяснилось позже, нападавших было порядка ста семидесяти. За последующие полтора-два месяца все они были уничтожены.

МУЖЕСТВО И МУДРОСТЬ

Вечером восьмого мая 2004 года мне позвонил старший брат Лом-Эла, он тогда руководил Грозненским линейным управлением внутренних дел на транспорте. Настроение у него приподнятое, но я всё равно по обыкновению напряжен – инстинкт младшего брата. Я так его и не преодолел, не старался это сделать, да у меня и не получилось бы.

Мама нас правильно воспитала.

– Что делаешь?

– Работаю.

– Поздравляю, оправдать доверие дорогого стоит! Ты и твои коллеги молодцы! Сегодня встречали из Москвы Ахмата-Хаджи, потом пили чай у него и беседовали о разном, а он неожиданно для всех заговорил о тебе. Очень тепло отозвался и сказал, что ты подготовил отличную команду и сделал ГТР настоящей телерадиокомпанией! Сказал, что вы реально помогаете ему сплотить народ!

Радость переполняла меня, поспешил поделиться ею с теми, кто ещё был на работе.

– Представляете, Президент дал вашей работе такую высокую оценку?!

Ребята были рады не меньше меня. План на освещение Дня Победы утвердили на одном дыхании, выдали в эфир ночной выпуск новостей и счастливые разъехались по ещё небезопасным дорогам Грозного.

Утро 9 мая выдалось солнечным и вселяло надежду на лучшее. На стадионе – торжественная атмосфера. Бойцы, уставшие от войны, с удовольствием чеканят шаг и держат равнение на Первого Президента Чеченской Республики Ахмата Абдулхамидовича Кадырова. В президиуме рядом с ним – Председатель Госсовета Хусейн Исаев, соратники и военачальники. Оркестр играет медью и солнечными лучами. И только о том, что адская машина уже приведена в действие, никто из нас не знает. Враги же Чечни, видимо, надеялись здесь и сейчас прервать её возрождение.

Ахмат-Хаджи привстал, собираясь уйти, но снова присел:

– Уйти, когда на сцену выходит женщина, да ещё и народная артистка, никак не могу.

Я, спускаясь по ступенькам, предупредил корреспондентов и операторов, что сразу за

Президентом покидаем стадион и возвращаемся в студию готовить спецрепортаж.

…Взрыв произошёл, когда я прошёл за оцепление внизу. Здесь стояли мои двоюродные племянники: Лёма Дачаев, он в моей охране (его ранило в голову и в плечо), и Масуд Макаев. Масуд в охране Лом-Элы, он умер, так и не приходя в сознание, на семнадцатые сутки после ранения в НИИ Нейрохирургии им. ак. Н.Н. Бурденко. Адам Байсултанов из охраны Хусейна Исаева умер в машине по дороге в больницу. Все здоровые, сильные ребята. Из-за них мне только кожу со скулы чем-то содрало и царапины были на шее. Сначала, как и многие, подумал, что по нам выстрелили из чего-то внушительного. Сотрудники открыли заградительный огонь. Я тоже достал пистолет, но, увидев трибуну в пыли, почувствовав ужасное, спрятал обратно и побежал наверх. Столько раз было, что за одним взрывом следует другой, и тут каждая секунда дорога.

Те, кто стоял поблизости, подоспели раньше, сквозь оседающую пыль неумолимо проступала новая жестокая реальность нашего народа...

Люди идут на Мехкан тезет бесконечным потоком. В их глазах – боль и растерянность, граничащая с отчаянием.

– Чеченцы не сберегли своего Президента, – произнес кто-то.

Потом повторили не раз. И каждый раз тяжелый вздох приговором проносится по рядам. Соратники, ещё не смывшие кровь с лиц и одежды, стоят, уставившись в землю. Пиджаки на них бесформенно растопырены взрывной волной.

Заходят во двор и проходят на свои места Абдулхамид, Магомед и Рамзан Кадыровы – отец, брат и сын погибшего Лидера прилетели домой. И вскоре снова прозвучало: «Чеченцы не сберегли своего Президента».

И в тот миг я понял разницу между умом и мудростью. Понял, что мудрость, как и мужество, – достояние духа, а не возраста: отец отдал свою жизнь за честь и благополучие своего народа, сын заботится о чести и благополучии своего народа, даже переживая потрясение от потери отца!

– Чеченцы много раз, жертвуя своими жизнями, спасали его жизнь, но спасти от смерти даже чеченцам не дано, – выдержав паузу, произнёс бесконечно мужественный и религиозный Рамзан.

Небольшой вздох облегчения лёгким ветерком пронёсся над рядами.

Соратники приподняли головы, с уважением взглянули в его сторону и снова тяжело опустили взгляд.

Молодой Рамзан, потерявший Отца, Лидера и Соратника, Рамзан, чьё будущее, а также бу-

дущее его семьи и народа невозможно представить даже в самых мрачных тонах (его будущего как бы уже и нет, оно будет погребено вместе с Ахматом-Хаджи), даже в это мгновение не забывает о чести нации и не собирается допускать посягательства на неё...

Пройдут годы, и я, как и многие другие, стану свидетелем того, как он сдержит данную над телом отца клятву отомстить врагам и позаботиться о народе, увижу много его побед и достижений, но гордость за него и восхищение им, испытанные в тот тяжелый миг, никогда не поблекнут. Наоборот, с годами это всё ярче осознается умом и всё сильнее трогает за душу.

ИНАУГУРАЦИЯ

Вечер 4 апреля 2007 года. Не только в Чеченской Республике, но и далеко за её пределами говорят о предстоящей инаугурации самого молодого руководителя самого неспокойного края. Она назначена на завтра. Гости съезжаются загодя и со всего мира.

Рамзан Ахматович внешне спокоен, но на душе скребут кошки, причину знают немногие, а ещё точнее – он сам и Магомед Даудов, который в то время был начальником штаба ОМОН.

Шесть месяцев назад один из главарей банд-подполья – вице-премьер, бригадный генерал и командующий направлением – подписал смертный приговор себе и своему окружению, заявив, что он и его подручные убили Кадырова-старшего и собираются убить Кадырова-младшего.

Возмездие (так называлась спецоперация по нейтрализации бандитов) начали готовить сразу же. Полгода понадобилось, чтобы установить точное местонахождение прошедших специальную подготовку и имеющих большой опыт подрывной деятельности бандитов.

Но сделать это удалось только сегодня.

– Пойдём вместе, как и собирались, но теперь вторая задача – успеть вернуться к инаугурации, – Рамзан говорит спокойно, не теряя самообладания, но жажда возмездия обуревает его изнутри.

– Брат, мы мечтали об этом дне, хотели вместе призвать к ответу кровожадных гиен, но сейчас прошу услышать меня, – говорит Магомед. – Разреши пойти без тебя. Я возьму с собой несколько человек. Неизвестно, сколько времени на операцию понадобится, а инаугурация должна начаться вовремя. Гости и корреспонденты съехались со всего мира!

– Я буду ждать вестей от тебя…

5 апреля. Резиденция Президента Чеченской Республики. Зал полон гостей, звучит лёгкая фоновая музыка, все с нетерпением ждут появления Рамзана Ахматовича. Тем временем, давно готовый к выходу Президент молча стоит в ожидании звонка от ушедших в ночь нескольких соратников (большое количество сотрудников могло привлечь внимание и вспугнуть врагов). Каждая секунда, как бесконечность, ожидание только усиливает беспокойство, но в глазах его этого не прочесть. Время и испытания научили выдержке… Подождав еще немного, он отдал телефон помощнику и шагнул навстречу большой политике…

Звонок раздался уже через несколько мгновений. Президент обернулся и взял протянутый телефон.

– Лорд, слушаю тебя!

– Шеф, – уже по голосу Магомеда можно было понять всё, – ни Хайруллы, ни его банды больше нет.

– Сколько их было?

– Более сорока.

– Наша информация была верна!

– Да, Шеф!

– Спасибо, брат! Хвала АллахIу, теперь мы в расчёте со всеми! – уже на ходу произнёс Рамзан и вернул трубку помощнику.

Распахнулись двери, и он вступил в ослепительный зал.

– Дамы и господа! Избранный Президент Чеченской Республики, Герой России Рамзан Ахматович Кадыров…

Инаугурация началась и закончилась вовремя, а гости и зрители трансляции ещё долго делились впечатлениями от речи молодого Лидера многострадального народа:

– После гибели нашего Первого Президента, моего Отца Ахмата-Хаджи, каждый раз, когда приходилось улыбнуться, встречаясь с кем-либо, я думал о том, что правильно ли люди воспринимают этот жест вежливости при ещё не настигшем всех убийц возмездии? Сегодня я могу за это не переживать! Убийцы Лидера чеченского народа уничтожены все до одного! Пусть восторжествует справедливость!

БЕЗ 23 – 13

Жизнь Главы Чеченской Республики (соответственно, и соратников) – это то, что остаётся после работы, а остаётся немного.

Все годы, что я знаком с Рамзаном Кадыровым, а это более двадцати лет, он строго совершает джума-намаз-рузба. Происходит это в разных мечетях, все они построены им самим, и каждый из них – архитектурный шедевр, претендующий стать украшением не только нашего края, но и остального мира. Во всех этих мечетях непременно висят часы, и я, один из его соратников и (раньше – единственный) теперь руководитель одной из телерадиокомпаний, непременно занимаю место, с которого они хорошо видны.

Поэтому учитываю расположение широких колон, подпирающих купол. Мне важно, чтобы они не загораживали этот беспристрастный измеритель земного времени, про которого никто из людей не знает, сколько его ещё осталось лично ему и всему этому миру. Но в пятницу время течёт по-особенному, как бы не спеша, размерен-

но, синхронизируя биение уверовавших сердец и родня богобоязненные души. Мысли становятся светлее, тела – смиреннее.

Воистину, благословенный день!

Когда уже прозвучал азан, совершены сунна-намазы, и богослов с минбара, произнеся на арабском приветствие, начинает проповедь на чеченском языке, часы показывают без двадцати трёх минут тринадцать.

Этой проповедью заканчивается одна рабочая неделя и начинается другая. Все слушают богослова, а я ещё и мысленно монтирую его проповедь, отмечая про себя отрезки, которые возьму для сюжета…

После пятничного намаза Рамзан Ахматович и члены команды выходят из мечети и не спеша направляются к машине Лидера, чтобы, проводив его, разъехаться по своим рабочим местам. Я тоже возвращаюсь в студию, но сразу же, как сажусь в машину (как и после любого другого мероприятия), связываюсь с коллегами и передаю информацию. Это увеличивает шансы успеть к эфиру, поскольку им не надо тратить время на просмотр материала и сбор информации о том, кто читал проповедь или кто был имамом при совершении намаза.

А дальше – больше: инспекции эффективного Лидера по различным районам и стройкам, сове-

щании в горах и на равнине, открытия объектов, поощрения и разбор полётов.

И так вплоть до следующей пятницы, когда заканчиваются и начинаются недели, в которых субботы и воскресенья, равно, как больничных и отпусков, нет. Зато есть цветущая под мирным небом Чечня…

P.S.

Я возглавлял различные телерадиокомпании. Последние четырнадцать лет был директором ГТРК «ВАЙНАХ» (какое-то время одновременно с ЧГТРК «ГРОЗНЫЙ»). Так долго не руководил никто из директоров за всю историю радио и телевидения республики.

Отпуск брал по истечении десяти лет – десять дней, и ещё четыре года спустя – две недели. В Чеченской Республике этим никого не удивить, но сегодня я уже на другой работе и смог себе позволить, сев после рузбы в машину, написать этот рассказ (работа директора телерадиокомпании всё-таки – особенная работа). Прямо на телефоне, как и все другие произведения.

СОКРАЩЕНИЕ

31 марта 2006 года. Я опять в кабинете управляющего делами Президента и Правительства Чеченской Республики, третий раз за последние две недели.

Он ответственен в республике за оптимизацию штатов государственных организаций. Такая работа проводится по всей стране.

Я всё понимаю, но помню, что отвечаю не за всю страну, а конкретно за департамент внешних связей Президента и Правительства ЧР, а стало быть, и за каждого его сотрудника.

– Одес Хасаевич, – пытаюсь приступить к переговорам, – шестого октября прошлого года, то есть в день, когда приступил к работе, мы с кадровой службой проанализировали структуру и штатное расписание. Тогда же устранили все недочёты. После Вашего поручения отказались от вакансий. Сейчас каждое место занято действующими сотрудниками.

– Но, – перебивает Одес Хасаевич, – этого, как ты понимаешь, мало, – обычно жёсткий, сей-

час он достаточно дружелюбен. – Всем нелегко даются такие решения, но деваться некуда, надо сокращать ещё.

По его лицу видно, что ему самому тяжело, и я прекращаю попытки договориться…

Обратно шёл не спеша. Департамент находится здесь же, на территории правительственного комплекса, идти совсем недолго, но обдумать всё успел: «Новому руководителю, как правило, дают карт-бланш. Несколько месяцев особое содействие ему обеспечено, а там и до нового года недалеко, может, пронесёт».

Забегая вперёд, скажу, – пронесло: каждый из моих бывших подчинённых сохранил работу.

Повеселев от собственных надежд, звоню помощнику:

– Беслан, пригласи всех на совещание, скоро буду.

Когда вошёл, все были уже в коридоре (актового зала тогда в тех условиях ещё не было), на лицах – напряжение.

Я остановился у самых дверей.

– Знаю, что все вы переживаете. Знаю, что никто из вас не может позволить себе потерять работу. Знаю, что устроиться на другом месте особенно сложно будет на фоне сокращений. Зная всё это, и принял, на мой взгляд, оптимальное решение. В общем, я увольняюсь, а вам всего хорошего. Простите, если что не так.

Все застыли, напряжение сменилось растерянностью.

Я поспешил уйти раньше, чем опомнятся, и направился в администрацию, откуда вышел, оставив заявление на увольнение…

Через пару дней позвонил Рамзан Ахматович:

– Ты где ходишь? Отдохнул, и хватит, мы с Олегом Борисовичем решили, что ты ГТРК «ВАЙНАХ» возглавишь, тебе надо завтра быть в Москве.

– Спасибо за доверие.

– Работой отблагодаришь, – как-то очень тепло сказал Рамзан Ахматович и положил трубку…

Следующие четырнадцать лет я старался оправдать это доверие, пока он снова не позвонил:

– Пойдёшь ко мне в советники?!

Безграничная благодарность за доверие и гордость за своего Лидера распирали грудь, мешая говорить:

– Конечно, мой дорогой Брат!

ОТЕЦ

Мансур шёл по ночной сельской улице, не замечая моросящий дождь. Осенний ветер пробирал до костей, но на душе у юноши ещё холодней. Всю свою недолгую жизнь он находится в долгом ожидании ответа на свой главный вопрос.

Сегодня, когда они, встретившись с друзьями, стали обсуждать планы на будущее, желание получить ответ на него вспыхнуло с новой силой. Нет, даже не вспыхнуло, а, скорее, застряло в груди леденящим сердце комом.

– Вот окончу школу и буду поступать в медицинский, – говорит Ибрагим. – Мы с отцом долго обсуждали и решили. Маму, правда, пришлось уговаривать. Она боится, что мне тяжело будет идти по стопам отца.

– А я, пожалуй, попробую поступить на программиста, мне это интересно, и родители согласны, – поддержал разговор Ваха.

Мансур ничего говорить не стал. Учится он отлично, но понимает, что деньги на обучение нужны не меньше, чем знания:

«Ну, поступлю я, допустим, – думает он, – а на что я буду ездить в город? Да и одеться, как другие студенты, не смогу».

С мамой Мансур старается это не обсуждать: видит, что она и так выбивается из сил, чтобы прокормить его и сестренку…

А ведь когда-то всё было хорошо. Тогда ещё отец был с ними. Но потом вдруг что-то изменилось. Он стал холоден к детям, почти не общался с мамой, срывался по малейшему поводу и где-то долго пропадал. А они всё равно ждали его с нетерпением, и каждый раз казалось, что вот теперь он вернётся, и всё будет хорошо, как раньше.

Так продолжалось несколько месяцев, пока однажды отец не заявил матери:

– Собирай свои вещи и уходи.

– Пожалуйста, – стала умолять мама, – у нас маленькие дети…

– Детей можешь забрать, – прервал он её.

Обвалившееся небо придавило хрупкие плечи шестилетнего Мансура. Отчаяние в глазах матери и испуганный взгляд четырёхлетней сестры болью отдались в его сердце. Но больше всего угнетало чувство, которому тогда ещё не знал названия, а потом пытался не признаваться в том, что его испытал, даже самому себе. Так хотелось, чтобы папа оставался, пусть теперь только уже в памяти, но настоящим. Следующие

десять лет он жил, пытаясь преодолеть разочарование и забыть: «Детей можешь забрать».

И все эти годы мать твердит детям, что он не такой, что это жизнь так сложилась, что они должны уважать и считаться с ним. И постоянно напоминает:

– Он ваш отец…

Весь продрогший, Мансур сам не заметил, как оказался у отцовского дома, который когда-то был и его домом! Он растерянно оглянулся по сторонам, постоял несколько секунд и всё-таки переступил порог.

За накрытым столом сидела счастливая семья: отец, его жена, мальчик, перед которым торт с восемью свечами, и пятилетняя девочка.

Наступила тяжёлая пауза, которую чуть не прервал неожиданный гость в собственном доме:

«Скажи, отец, чем моя мама, сестра и я хуже их?» – вопрос, который много раз задавал отцу мысленно, сын заглушил в израненной душе. Он ласково посмотрел на растерянного мальчика и произнёс:

– С днём рождения, братик!..

Обратно в дождливую ночь Мансур шагнул, не зная, как сложится его жизнь, но твёрдо веря, что никогда никого ни за что не бросит… И отца тоже…

Ведь это его отец!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Мать 7
Честь имею 16
Судьбы деревьев 22
Верный 27
Абитуриент 35
Надо надеяться на Бога 42
Красная гвоздика, или исповедь однокурсника 49
Долина любви 53
Милосердие 57
Грозный–Будённовск–Москва 65
Жаркие дни холодного февраля 1996 года 76
Цена вопроса 85
Профессор 92
Засада 105
Мужество и мудрость 110
Инаугурация 115
Без 23 – 13 118
Сокращение 121
Отец 124

Литературно-художественное издание

Ельсаев Аламахад

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Рассказы

Редакторы: *Борхаджиев Х.Р., Бураева Т.И.*
Корректоры: *Арсанукаев М.К., Бицалова А.Т.*
Набор: *Юнусова Б.С.*
Верстка: *Ганаев З.Ш.*

Подписано в печать 19.10.2022. Формат 84x108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 5,88. Тираж 1000 экз. Заказ № 0847.

Отпечатано на полиграфической базе
АО «Издательско-полиграфический комплекс
«Грозненский рабочий»
ЧР, 364000 г. Грозный, ул. Санкт-Петербургская, 12/35